

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

СПЕЦНАЗ
ОФИЦЕРЫ

ВОЛКИ ВОЙНЫ

Александр Александрович Тамоников
Волки войны
Серия «Спецназ. Офицеры»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373254

Тамоников А. А. Волки войны : роман: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-40297-7

Аннотация

Командир роты спецназа капитан Илья Запрелов мог легко просчитать хитрые ходы противника и переиграть его. Благодаря этому бойцы уничтожили два отряда боевиков, засевших в ущелье, и разгромили караван с оружием. Целая группировка бандитов оказалась разоружена. За удачную операцию Илью представили к награде. Но сам капитан был тяжело ранен в бою и попал в госпиталь. После лечения Илья с горечью понял, что в мирное время его боевые навыки никому не нужны. До поры до времени...

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	33
Глава 3	63
Глава 4	94
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Александр Тамоников

Волки войны

*Герою России генерал-майору Тулину Сергею
Загитовичу!*

Часть I

Служба – Афганистан

Глава 1

Афганистан, сентябрь 1984 года, советская военная база на востоке Кандагарского плоскогорья, недалеко от селения Гарди. Пятьдесят пятый Отдельный батальон специального назначения вплотную примкнул к подразделениям десантно-штурмовой бригады, медико-санитарному батальону и реактивному дивизиону. Чуть в стороне смешанная или, как еще называют, сводная вертолетная эскадрилья, имеющая в своем составе как десантные вертолеты «Ми-8», так и машины огневой поддержки «Ми-24». Гарнизон расположился компактно, окруженный приличным заслоном проволочных и минных заграждений, а также постоянными постами десантников. Вечер, пока еще светлый, но жаркий и

пыльный. Командир первой роты спецназа, проверив исполнение личным составом распорядка дня, а точнее, просто навестивший палатки подчиненных, вернулся к штабному модулю, где ему был выделен отсек из двух маленьких комнаток с отдельным выходом. Капитану повезло. Он мог спокойно отдыхать, принимать по вечерам гостей. В отсеке был кондиционер. А это много значило. По крайней мере, не надо на ночь увлажнять простыни, как в палатках. Под брезентом без этой процедуры в этих местах не уснуть, ну разве что перед сном прилично принять на грудь. И мухи не доставали. Тоже плюс большой.

Запрелов вошел в отсек и тут же упал на кровать, растегнув китель, подставляя запотевшую волосатую грудь под прохладные струи воздуха, нагнетаемые кондиционером «БК-1500». Хорошо! А душ все равно принять надо. Иначе сопреешь к чертовой матери. Да и робу простирнуть не мешает, потому как завтра она станет белее снега. От пота, пропитавшего ткань насквозь. Вставать, однако, не хотелось, и капитан тянул время. Почувствовав, что может уснуть, Запрелов поднялся и прошел в первую комнатку, где стояли стол, две лавки и небольшой, старый, но еще исправно работающий холодильник. И только сейчас увидел рядом с дверью конверт. Почтальон, видимо, не застав офицера, засунул письмо в щель. Капитан поднял его, сразу же узнав почерк жены Вали. Казалось, он должен был тут же вскрыть конверт и жадно прочитать послание от родного человека из дале-

кого Союза, но Запрелов бросил конверт на стол, переоделся в спортивные брюки, взял полотенце, мобуту (военную форму), щетку и мыло, вышел на улицу, которая после помещения, охлажденного кондиционером, встретила его пылающим зноем. Душевая находилась за модулем, и капитан направился туда. Постирав форму, помывшись и постояв несколько минут под холодной водой, вернулся к своему временному пристанищу. Бросил мобуту сушиться на маскировочную сеть, вошел в отсек. И сразу почувствовал запах духов. Такими пользовалась единственная женщина в гарнизоне, его фронтовая подруга последних месяцев, медицинская сестра санбата Лиза Хордакова. Лиза, Лиза, Лизавета. Только она из всех местных женщин не скупилась на дорогую косметику, поэтому и духи у нее были особенные, тонкие, нежные, манящие и дорогие. Они познакомились на третий день после ее прибытия на базу в апреле прошлого года. Рота Запрелова тогда вернулась с боевого выхода, имея трех раненых. Их лично и передал в медсанбат ротный. Передал дежурному врачу, рядом с которым впервые увидел женщину лет тридцати. Новенькую. Сразу и познакомились. А через неделю они были уже близки. Тогда им приходилось скрываться от посторонних глаз где только это было возможно: и в каптерках, и в канцелярии его подразделения, и даже в операционных хирургических отделений. В то время отдельного жилья у капитана не было, не то что сейчас. И Лиза, уже не скрываясь, приходит к нему, чтобы уйти утром. Зам-

полит Гвоздев иногда что-то бурчал про мораль. Но какая, к черту, мораль на войне? Где сегодня ты жив и здоров, а завтра можешь стать инвалидом без рук и ног, а то и холодным, никому не нужным трупом. Тут не до морали! Тут каждый день на счету. И цена его велика. Как цена всей жизни. Запрелов был женат. И жена его жила в Переславле, родном городе капитана. Жила одна в квартире, оставшейся от родителей. У капитана тоже имелось жилье – часть дома на окраине города. Там жили его родители и дед. Но однажды они поехали на рыбалку и перевернулись на машине возле реки. Погибли все и сразу. Запрелов приезжал на похороны. Тогда он только начал службу и проходил ее в Приволжском военном округе, в центре подготовки офицеров для подразделений спецназа. Родители и дед легли в могилы старого кладбища, а часть дома осталась, и он был ее единственным и законным владельцем.

Лиза услышала шаги Запрелова и вышла в коридорчик.

– Добрый вечер, Илюша!

– Привет!

– Ты отвечаешь так холодно...

– Замерз!

– Это при сорока градусах на улице?

– Это оттого, что душа остыла, Лиза!

Женщина удивилась ответу, спросила:

– Как тебя понимать, Илья?

– Да никак! Никак не понимать!

Капитан прошел в первую комнату, которую с натяжкой можно было назвать столовой, открыл холодильник, выставил на стол литровую бутылку импортной водки, приобретенной у одного знакомого духанщика в Гарди, банку тушенки и хлеб в целлофановом пакете. Открыл спиртное, вскрыл мясные консервы, порезал черный, как уголь, хлеб. Стаканы, ложки и вилки находились на краю стола. Наполнив граненый стакан до краев, капитан в три глотка проглотил водку. Закусывать не стал, присев на лавку и закулив сигарету. Лиза, не понимая, что с ним, но чувствуя в его поведении нечто угрожающее их отношениям, села напротив:

– Что с тобой, Илья? Почему даме выпить не предлагаешь?

Запрелов пододвинул к Лизе бутылку:

– Пей, если хочешь!

– В чем дело, Илья?

Выпустив струю дыма в потолок, капитан проговорил:

– В чем дело, спрашиваешь? А сама не догадываешься?

Лиза изобразила крайнее удивление. Довольно умело изобразила, ответив:

– Нет, не догадываюсь!

– Что ж, объясню, раз ты такая недогадливая стала. Прощальный ужин у нас с тобой сегодня, вот в чем дело, милая!

– Но почему?

Капитан затушил сигарету, поднялся.

– Ты что, решила идиота из меня, девонька, сделать? В

чем дело? Что с тобой? – передразнил капитан любовницу. – Память отшибло? А ведь прошла всего неделя!

Женщина поняла, о чем вел речь капитан. Но изобразила крайнее изумление:

– После чего, Илья, прошла неделя? После твоего последнего боевого выхода? Но при чем здесь война?

– Ты права, война в нашем случае ни при чем! При чем совершенно другое! А именно то, что те трое суток, что я гонялся по ущельям за духами, ты прекрасно провела с начфином десантуры. Или этого не было? Слухи и чужая зависть оклеветали тебя?

Лиза попыталась ответить, но Запрелов прервал ее:

– Молчи! Я не желаю стряхивать с ушей лапшу, которую ты намереваешься на них навешать. Совет на будущее: меньше подругам рассказывай о своих любовных похождениях. И если решишь еще раз блядануть на стороне, на что, впрочем, ты имеешь полное право, то выбирай партнера понадежней! Который, как и подруги, не станет трепать языком! Вот так-то, подружка! Чего не пьешь? Наливай! Сегодня гулять будем!.. В последний раз вместе!

Лиза не шелохнулась. Она просто сидела и смотрела на Запрелова. Тот сам налил ей полстакана:

– Прими, легче врать будет, только без толку это все. Ты меня знаешь!

Женщина тихо проговорила:

– Да, знаю! Вернее, теперь могу сказать, что лишь знала.

Ты оказался другим, чем тогда, когда я тебя узнала. Только скажи, если я, как ты утверждаешь, изменила тебе с начфинном, этой бабой в штанах, которого за мужчину не считаю, несмотря на всю его напыщенную галантность, неделю назад, то почему и вчера, и позавчера ты был нежен и ласков, как обычно, ни о какой измене и слова молвлено не было? Почему именно сегодня ты предъявил мне оскорбительные обвинения в том, чего просто не могло быть? Ведь наверняка «доброжелатели» тебе все рассказали сразу после возвращения? Почему?

Капитан вновь выпил, на этот раз сто граммов.

– Да, актриса из тебя отменная. Я бы мог вообще с тобой ни о чем не разговаривать, но отвечу на вопрос. Все дело в том, что те, кому наставляют рога их милые дамы, почему-то об измене узнают самыми последними. Я тоже думал, почему так? И представь себе, объяснение таки нашел. Видимо, дело в женском коварстве и нежелании рогоносца признавать очевидное, ища всяческий повод опровергнуть его. Вот и я только в обед узнал о том, какие «волшебные» ночи ты провела с тем, кого за мужика не считаешь! Это надо же, «волшебные» ночи?! Чем же он так взял тебя? Может, наркотой траванул? А?

– Прекрати, Илья!

Она поднялась, подошла к двери. Недолго постояла, облокотившись о металлический каркас, затем повернулась. Губы ее дрожали, в глазах стояли слезы. Играла она действи-

тельно отменно, ведь то, о чем говорил капитан, было правдой, с офицером штурмовой бригады она действительно являлась. Но как ей признаться в этом? Нет, признаваться нельзя. И если уж уходить, то так, чтобы в душе офицера остались зерна сомнения. Глядишь, со временем они и дадут всходы. А там все вернется на круги своя.

– Я все поняла, Илья! Ты решил избавиться от меня! Я надоела тебе, да и немудрено, когда Галька Журанова вертится рядом. Она и помоложе, и фигура посексуальней. На новенькое потянуло. Да и дома, – она кивнула на конверт, – жена ждет. Тебе же скоро заменяться? А я? Я отработанный материал, меня можно и на свалку. Здесь, в Афгане, вы, мужики, хозяйева наши. Ну что ж, я уйду. И необязательно было обливать меня грязью. Запомни, с начфином у меня ничего не было. Ничего! Но это уже неважно. Ты решил по-своему. Пусть будет так! Прощай, капитан!

Лиза ушла. Запрелов остался один. Не окликнул ее, не позвал. А женщина шла по темной аллее к женскому общежитию, кусая губы. И черт ее дернул связаться с этим долбаным начфином, который и удовлетворить-то как следует не смог. А все та же Галька Журанова. Пойдем к десанту да пойдем. Чего, мол, момент упускать? Да еще спирт, который они выпили. Вот и пошли. А в результате? Начфин оказался слабаком, да еще извращенцем, а Галка об их похождениях всему медсанбату растрезвонила. Да и начфин тоже. Бабу отыметь не смог, а слухи распустил, козел. А ведь на Запрелова она

серьезные виды имела! С женой ему не жить, сам говорил, что гуляет та в Союзе. А она, Лиза, рядом! Еще бы немного – и захомутала капитана! Следом поехала бы, но добилась своего, развелся бы Илюша, а на ней женился! Но, может, еще не все потеряно? Побудет Илья с недельку без бабы, а Лиза позаботится о том, чтобы ни одна шлюха к нему в постель не нырнула, глядишь, и позовет! А дальше будет, как желает она! Только зыбки ее надежды. Капитан – мужик упертый! Хорошо еще, что пьет каждый вечер. Пьяный себе не хозяин. Ладно! Сейчас что-либо предугадать нельзя. Надо выждать какое-то время, а потом посмотреть. Возможно, и самой покаяться. Но не в промашке с начфином, тот завтра же закроет свою пасть, или она опозорит его на весь гарнизон. А в том, что дала повод для слухов, возможно, повела себя так, как не следовало бы! Короче, видно будет. Но все разговоры о своих похождениях надо срочно пресечь. Любыми средствами. И это Лиза сделать сумеет.

Допив бутылку и изрядно захмелев, Запрелов взял письмо и прошел с ним в комнату, которая была его спальней. Вскрыл конверт, быстро пробежав глазами по строчкам. Отбросил послание на пол. То, что он прочитал, не было для капитана новостью. Нечто подобное он ждал с того самого момента, когда впервые почувствовал в письмах супруги фальшь и холод, хотя она уверяла, что любит и ждет его с войны. Но на самом деле, по крайней мере в последний год, и не любила, и не ждала. Предчувствие и ожидание непри-

ятного известия наконец оправдались. Валя сообщила, что встретила другого человека, полюбила его и жить с Запреловым дальше не может. Попросила прощения, а заодно и согласия на развод. Чему суждено было свершиться, то и свершилось. Теперь он один. Обидно ли ему? Наверное, есть немного! Но уж лучше остаться одному, чем жить в обмане и фальши. А вообще пошло оно все к черту! Ему еще надо выйти живым из этой бессмысленной мясорубки, организованной старцами из Политбюро. Вернуться в Союз. А там будет видно, как жить!

Не раздеваясь – в отсеке все же было достаточно прохладно, – командир роты спецназа уснул тяжелым сном. И снилась ему всякая ерунда. То шакальи морды моджахедов, то щих свои кинжалы, чтобы отрезать капитану голову, то голая Лиза, танцующая на виду у всего гарнизона на крыше штабного модуля, то стая волков, окруживших его в каком-то заснеженном лесу на берегу реки, то жаркие объятия развратной жены в постели, где по другую от нее сторону ее ласкал какой-то жирный, прыщавый, омерзительный тип. В общем, снилось черт-те что. Ровно в 6.00 капитан поднялся с тяжелой головой и разбитым телом. Кое-как прошел к холодильнику. Достал недопитую вчера бутылку водки, из горла сделал несколько глотков. Спиртное привело его в чувство. Запрелов подумал о том, что уже месяца три он не может обойтись без опохмелки. И это плохо. Это означало, что он спивается! Но, с другой стороны, не мучиться же? Или не

пить? Но если здесь не пить, то с ума сойдешь. Причем гарантированно, после пары кровавых боевых выходов. Нет, на войне без водки не обойтись! Никак! И пьют все! Ладно, будем похмеляться, пока в Афгане. В Союзе будет иначе! Капитан прекрасно понимал, что это самообман, но отгонял от себя эту мысль.

Запрелов снял с маскировочной сети форму, облачился в нее, выпил еще сто граммов, закурил, сидя за столом, ожидая, когда водка разойдется по телу, успокоит душу, но в дверь неожиданно постучали. Кого там еще принесло? Уж не Лизу ли? С новой тактикой обработки бывшего любовника? Да нет, она стучаться не стала бы.

Капитан крикнул, убрав пустую бутылку под стол:

– Входи, кто пришел!

В ответ раздался молодой голос. Явно солдата первогодка.

– Я посыльный штаба, товарищ капитан, рядовой Бойко!

Вас командир батальона вызывает!

– Комбат?

– Так точно!

– И куда вызывает?

Командир мог утром проконтролировать подъем рот и, заметив недостатки, вызвать ротного непосредственно в подразделение. Но сегодня было иное, посыльный доложил четко:

– К себе в кабинет, товарищ капитан! Разрешите идти?

– Постой, солдат! Он еще кого из офицеров кроме меня

вызвал?

– Только начальника штаба и замполита. Они уже в кабине!

– Ясно! Свободен! Передай в штабе, через пять минут буду.

Запрелов чертыхнулся.

– Этого еще не хватало! Командир с начальником штаба – ладно, а вот замполит своим буратинским носом – и надо же такой шнобель отрастить! – запах водки от порога учует. И начнет мозги полоскать о морально-нравственных качествах советского офицера.

Капитан вышел из двери одного торца модуля, чтобы войти в другую, с противоположной стороны. Поздоровался с дежурным по батальону, спросил:

– Коль, не знаешь, чего комбат спозаранку вызывает?

Дежурный отвел нос в сторону:

– Ну и духан от тебя, Илья! Только что принял, что ли?

– Подлечился! Заметно?

– Не то слово. Вот тебе кусочек муската, пожуй, говорят, помогает, но я не верю. Как-то попробовал перед политинформацией, зная, что Майдин, замполит наш долбаный, придет, эффекта ноль. Унюхал политрук сразу, на входе в палатку.

– Помню! Тогда еще партсобрание проходило по этому поводу. Так чего тогда этот мускат жевать?

Капитан пожал плечами:

– Ну, черт его знает. Тебе, может, поможет, но лучше мочи своей выпей!

– Сейчас! Посоветовал! Да я лучше на губу сяду, чем буду ссанье пить!

Запрелов прошел по коридору, приоткрыл дверь кабинета командира батальона:

– Разрешите, товарищ подполковник?

– Разрешаю! Входи!

В кабинете, а по сути таком же небольшом, только не разделенном на комнатки отсеке модуля, за столом совещаний перед разложенной на нем картой сидели трое: сам комбат подполковник Полукаров Юрий Владимирович, начальник штаба майор Самуленко Геннадий Васильевич и, естественно, заместитель по политической части, куда же без политука, капитан Майдин Николай Егорович.

Комбат предложил командиру роты место рядом с НШ, напротив замполита.

Последний тут же устался на Запрелова:

– А что это, Илья Павлович, от вас спиртным несет, как от винной бочки?

Замполит был всего лишь на год старше Запрелова, в равном с ротным звании, и послать бы его куда подальше вместе с чувствительным шнобелем, но нельзя, все же он замести- тель командира. Илья ответил встречным вопросом:

– У нас в стране или в армии запретили водку пить? Сухой закон ввели?

– Нет, – проговорил замполит, скорчив недовольную физиономию, – но офицер обязан знать хотя бы норму, если не может обойтись без этой гадости. Знать, когда, с кем и сколько можно выпить!

– Вот я и принял свою норму поздно вечером, один, чтобы ваши стукачи не заметили. Можно сказать, под одеялом!

Комбат ударил кулаком по столу:

– А ну отставить перебранку. Мне еще ваших пустых разговоров не хватало. Что перегар? Пройдет! Как говорится, пьяный проспится, дурак никогда. Запрелов не пьян! И закроем на этом совершенно никому не нужную тему! Да, да, Майдин, закроем! Свои претензии выставлять будешь потом, а сейчас у нас совещание. Так что не бакланим зря, а работаем! Запрелов, смотри на карту, квадрат – 26–24.

Командир роты склонился над секретным оперативным документом. Полукаров продолжил:

– Этот квадрат охватывает часть Паршенского ущелья, имеющего выход на Панджшер. Ущелье узкое, но в районе водопада, отмеченного крестиком, оно расширяется до пятидесяти метров. При этом склоны перевалов покрыты кустарником вплоть до брошенного кишлака Доха. По данным разведки, послезавтра, шестого числа, в это место должен выйти караван с оружием из Пакистана, ведомый известным нам полевым командиром душманов Исламуддином. Груз должен быть передан господину Азизулле. Караваны духов выучные, численность моджахедов, включая лю-

дей Исламуддина и Азизуллы, примерно двести человек. Исходя из полученной информации, нашему батальону силами одной штурмовой роты приказано устроить в квадрате 26–24 засаду, уничтожить духов и захватить сам караван, желательно вместе с полевыми командирами. Я решил к операции привлечь первую роту. Твою, Запрелов.

Ротный кивнул:

– Ясно! Мне можно задать вопросы или вы продолжите постановку задачи?

Комбат разрешил:

– Давай свои вопросы.

Капитан устроился поудобнее.

– Первый! Данные разведки не подлежат сомнению?

– Что ты имеешь в виду?

– То, что произошло в мае этого года, когда, по данным той же разведки, мы вышли на захват банды в одном горном кишлаке, а в результате сами чуть не попали в капкан. Не помните этот случай? Хорошо, тогда наши передовые дозоры вовремя обнаружили неладное, а то разделали бы духи роту в клочья!

Голос подал замполит:

– То, что произошло в мае, товарищ капитан, случайность. Ошибка в оценке обстановки, но не сбой агентов стратегического внедрения. Они-то свою работу выполнили как следует!

– Хорошо! Пусть так! Поставлю вопрос иначе. Достоверна

ли информация по караванам? И правильно ли оценена обстановка в вышестоящем штабе? Ведь в прошлый раз халатность, граничащую с преступлением, допустили именно там.

Командир батальона заверил:

– На этот раз разведданные подтверждены и по другим каналам работы специалистов ГРУ.

– Это уже радует! Вопрос второй! Почему для обработки каравана и банд моджахедов выбран участок перед водопадом?

Начальник штаба удивился:

– Не ожидал от тебя, Илья Павлович, подобного вопроса. Ответ на него очевиден. Пространство ущелья перед водопадом выбрано потому, что там наиболее удобно устроить засаду и рассредоточить подразделения роты таким образом, чтобы у духов не оставалось ни малейшего шанса не только отбить атаку, но и просто отступить.

Капитан усмехнулся:

– А Исламуддин с Азизуллой дураки, не понимают, что возле водопада их легче всего прищучить? И, как бараны, не предпринимая страховочных мер, стадом выйдут навстречу друг другу по дну, которое прекрасно простреливается с обеих сторон перевалов.

Комбат проговорил:

– Во-первых, не вижу причин для усмешек, товарищ капитан, а во-вторых, два дня назад по тому маршруту, я имею в виду Паршенское ущелье, нашими спецслужбами был ор-

ганизован пропуск пробного, назовем его так, каравана. Да, Исламуддин пробивал этот путь, высылая вперед разведку, его люди наблюдали и за ущельем, и за перевалами. Но караван, конечно, не такой большой, пропустили. И сейчас разведка считает, что у афганских полевых командиров, планирующих переброску из Пакистана крупной партии оружия, ущелье Паршен особых опасений не вызовет!

Запрелов покачал головой:

– Дискутировать дальше бесполезно. Решение по обработке банд Исламуддина и Азизуллы принято? Принято! Обстановка и задача мне ясны. Остается открытым последний вопрос: когда и какими средствами планируется переброска моей роты в район предстоящего применения?

Ответил начальник штаба:

– Переброску осуществим четырьмя десантными вертолетами «Ми-8 МТВ», приспособленными для использования в условиях жаркого климата и высокогорья, снаряженными пусковыми контейнерами 57-мм реактивных снарядов каждый. Место высадки – квадрат 27–24, это пять километров от южного Паршенского перевала. Начало операции ночью сегодня на завтра, со среды 5 на четверг 6 сентября.

Командир батальона добавил:

– До 17.00 тебе, Запрелов, подготовить вариант предстоящих действий в Паршене, в 17.30 вновь встречаемся здесь с проработкой возможных мер воздушного прикрытия или огневой поддержки, а также эвакуации роты после выполне-

ния задания.

Самуленко попросил слово:

– Насчет средств связи! Каждому взводу иметь «Р-148», ротному – «Р-107»! Где-то между базой и ущельем мы поставим промежуточный пункт связи, чтобы обеспечить бесперебойный контакт между выполняющим задачу подразделением и штабом. У меня все!

Полукаров повернулся к замполиту:

– Что по поводу операции ты скажешь, Николай Егорович?

Капитан Майдин ответил:

– Свои вопросы я решу с заместителем Запрелова, старшим лейтенантом Гвоздевым.

Илья указал комбату на замполита:

– Вот, вот, Юрий Владимирович, у наших славных политорганов, оказывается, есть какие-то параллельные цели в общей задаче! Почему Майдин будет что-то решать с моим заместителем?

Замполит ответил:

– Не горячитесь, Илья Павлович. Никаких параллельных целей по линии политорганов в боевой операции нет и быть не может. Но вы забываете, что старший лейтенант Гвоздев, являясь вашим непосредственным заместителем по штату, и мой прямой подчиненный! Но если вы желаете, то подготовительную работу к операции по линии политорганов мы проведем вместе.

Запрелов махнул рукой:

– Нет уж, варитесь в своей каше сами! С вами связываться

– только нервы трепать!

Комбат повысил голос:

– Илья! Не хамя начальству!

– Разве это хамство? Это высказывание собственного мнения по конкретному вопросу. Или уже и на это офицер не имеет права?

– Ладно! Иди, готовь решение, а заодно переведи подразделение в состояние боевой готовности «Военная опасность» с обязательным дневным отдыхом до ужина! Давай! В 17.30 жду!

Капитан вышел из модуля. После прохладного кабинета, в котором, как и в отсеке самого командира роты, работал кондиционер, улица, несмотря на утро, встретила его уже устоявшимся зноем. Правда, не таким, что наступит после обеда, и все же зноем. Посмотрел на часы. Совещание у командира батальона заняло около часа, сейчас было 7.05. До завтрака час. Запрелов решил пойти к палаткам подразделения, чтобы сообщить личному составу «приятную» новость о предстоящем выходе на войну. Затем прием пищи, после чего изучение обстановки по полученной в штабе батальона информации.

Дорога к палаткам подразделений рот спецназа лежала мимо модуля женского общежития медико-санитарного батальона. Запрелов не ожидал в это время встретить Лизу: как

правило, персонал медицинской части приступал к службе позже, в 8 часов. Но встретил возле модуля, на аллее. Женщина не остановилась и его не окликнула, лишь, склонив голову, бросила:

– Здравствуй, Илья!

– Привет, – ответил капитан, провожая ее взглядом.

И вновь Запрелов оценил артистические способности своей бывшей любовницы и выбранную ею тактику осадного ожидания. Лиза решила играть роль незаслуженно обиженной скромницы, жестоко и подло оклеветанной своей же подругой и мерзавцем начфином, надеясь, что капитан, при достаточной продолжительности подобного поведения, засомневается в своей правоте. Может, так оно и вышло бы. Но капитан отнесся к происшествию просто. Ему нужна была баба, и он ее имел. Он не любил Лизу, видел в ней всего лишь самку. И причина разлада не какой-то начфин – да пусть спит с ним сколько влезет! Просто Запрелову надоела Лиза. Стала неинтересна. И плевать на ее ужимки! Зацепит кого-нибудь из молодых офицеров, которые в конце месяца должны начать прибывать из училищ на укомплектование частей базы. А Запрелову до октября бы здесь протянуть. Отвоевать свое – и в Союз. Подальше от этих чертовых гор с их душманами. Ну а возникнет потребность, так партнершу на ночь он всегда найдет! Хотя бы ту же Галку Журанову, даму без комплексов и с огромным желанием постоянно иметь мужика. Какого – без разницы.

Рота встретила его докладом дежурного, хотя на месте находились и взводные, и старшина, и офицеры отделений обеспечения. Таков порядок. Раз рота не в строю, первый доклад – дежурного.

Сержант доложил, что за время его дежурства в подразделении происшествий не произошло. Запрелов объявил общее построение роты.

Бойцы тут же заняли свои места в шеренгах взводных и отделенных колонн.

Капитан обратился к ним:

– Товарищи офицеры, прапорщики, сержанты и рядовые! С этой минуты и до особого распоряжения рота переводится в режим «Военной опасности». Что это такое, вы знаете. И до 17.00 после получения оружия, снаряжения и боеприпасов я объявляю всем отбой! Всем спать, так как ближайшая, а возможно, и последующая ночь могут стать бессонными. Никаких вопросов не принимаю, личные проблемы решайте с командирами взводов. Офицерам, обеспечив исполнение указанных мной мероприятий, в 12.00 собраться в канцелярии роты. Всем, кроме старшины, которому организовать и контролировать отдых личного состава. Все! Командирам взводов и отделений развести личный состав! Заместитель по политчасти, ко мне!

Отдав распоряжение, капитан прошел к курилке, закрытой сверху от солнца маскировочной сетью.

Подошел замполит роты, старший лейтенант Гвоздев.

Офицеры были на «вы». Подчеркнуто вежливы, что указывало на далекие от приятельских отношения между ними. Хотя и противниками или соперниками Запрелова с Гвоздевым назвать было нельзя. Просто каждый из них понимал свои обязанности по-своему, и разделяла их разность характеров и жизненных ценностей. Капитану плевать на карьеру, он служил, как мог и умел, замполит же рвался наверх. Для него Афган являлся лишь ступенью к очередному званию, должности, ну и награде, естественно. Ребята из политорганов для своих орденов не жалели. Как и должностей. И построено все у них было гладко, продуманно. Сейчас замполит роты – должность старшего лейтенанта, дальше сразу, если не сорвешься по глупости своей, замполит батальона. Уже майорская должность и допуск в академию! И следом уже замполит полка – подполковник! Всего три ступени – и подполковник по должности, не хило! И это если не брать в расчет различные партийные посты. Короче, политруки себе дорогу к лампасам солидную пробили. Служи верно партии, правительству и, что еще главнее, своему начальнику – и попрешь наверх! А оступишься, так из войск в штаб заберут. Только прислуживай! Об остальном ближайший партийный наставник позаботится! Тьфу, бля, развели государство в государстве! А на особистов еще тычут. Да те делают свое дело, никому без необходимости не мешая, и никто их не замечает. Разве что попадешься на чем-нибудь. Но на чем можно попасться тому же ротному, чтобы вызвать интерес

у представителей военной контрразведки? Только на продаже оружия или боеприпасов. Вот только где их взять на продажу, когда себе иногда патронов и гранат не хватает! Это генералы и чиновники высокие могут себе позволить, но их КГБ и ловит! Нет, особисты тоже не подарок, но замполиты хуже! Хотя это являлось сугубо личным и чисто субъективным мнением кавалера двух орденов Красной Звезды, медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги», капитана штурмовой группы батальона специального назначения 26-летнего Ильи Запрелова.

Подошел Гвоздев.

– Слушаю вас, Илья Павлович!

– Присаживайтесь, – предложил старшему лейтенанту командир роты.

Но замполит вежливо отказался:

– Спасибо! Я постою. Еще придется над бумагами корпеть.

Ротный не стал интересоваться, над какими еще бумагами перед боевым выходом собирается корпеть его заместитель, приказал:

– Вы вот что, старший лейтенант! Сейчас вместе со старшиной Шахадзе займитесь материальным обеспечением выхода. Чтобы ботинки у всех по размеру были, полевая форма в порядке, экипировка соответствующая. Особенно обратите внимание на боевые аптечки. Они должны быть у каждого и в полном комплекте. Далее...

Гвоздев прервал ротного:

– Извините, товарищ капитан, я непременно выполнил бы ваше требование, но к 10.00 меня вызывает заместитель командира батальона по политической части, капитан Майдин! Как понимаете, его приказ я нарушить не могу!

Запрелов поднялся, повысив голос:

– А мой, непосредственного начальника, приказ нарушить можешь?

Гвоздев ответил спокойно:

– И ваш не могу! Поэтому и прошу разрешить с Майдиным возникшую проблему. Я от работы не уклоняюсь, но быть слугой двух господ не могу! Одновременно!

Командир роты выругался:

– Хер знает что! Этот твой Майдин что, специально перед выходом атмосферу накаляет?

И вновь Гвоздев выглядел спокойным, даже безразличным. Подобная ситуация была для ротного замполита на руку. Пусть капитан ссорится с начальством, а Гвоздеву это ни к чему!

Запрелов приказал:

– Идем со мной!

Офицеры направились в одну из палаток первой роты, где была оборудована канцелярия командира подразделения. Оттуда по допотопному проволочному телефонному аппарату, стоявшему до сих пор на вооружении со времен Великой Отечественной войны, вызвал командира батальо-

на.

Тот ответил сразу – находился на месте:

– Полукаров у аппарата!

– Это Запрелов. Ответьте мне, товарищ подполковник, на какой черт мне сдался заместитель, которого я не могу ничего заставить сделать?

– Так! Спокойней! Чего опять произошло?

– Да то, что я Гвоздеву задачу ставлю, а его в это время замполит батальона к себе требует! Потрепаться о политике в кабинете! Когда у меня дел, сами знаете, более чем достаточно!

Комбат посоветовал:

– Ты, Запрелов, слова-то подбирай? Что значит потрепаться? По-твоему, мой заместитель только на это и способен? Раз вызывает старлея, значит, тот понадобился ему! И чего орать? Явится Гвоздев в штаб, получит указания от Майдина и вернется. Тогда и поставишь ему свою задачу!

Капитан не выдержал:

– Да? Щас! Или старший лейтенант выполнит мои приказания, что напрямую записано в уставе, или убирайте от меня такого заместителя к едрене фене! Без него справлюсь. Но к солдатам больше не допущу. Пусть возле своего Майдина крутится!

Подполковник тоже повысил голос:

– Ты с кем так разговариваешь, капитан? Со взводными своими или с командиром части, а? Что еще за условия? Бор-

зеть начал? Да я сейчас тебя, несмотря на все ордена и медали, на губу оформлю! А на выход другую роту определяю. Будет мне еще всякий сопляк условия диктовать!

Запрелов бросил трубку.

Гвоздев, находившийся во время разговора рядом и все прекрасно слышавший, все же спросил:

– И что решило командование, товарищ капитан?

– Да пошел ты!.. К своему замполиту.

Старший лейтенант козырнул и вышел из палатки.

Капитан, откинувшись на стуле, нервно закурил.

Такой реакции со стороны комбата Запрелов никак не ожидал. Он уважал подполковника как настоящего боевого офицера, как, впрочем, и Полукаров ценил Илью, зная, что тому без малейшего раздумья можно поручить любое дело. И оно будет выполнено, несмотря ни на что и вопреки всему! Почему же сейчас комбат сорвался на капитана? Или Илья допустил такую уж непозволительную грубость? Но разве он не прав? Нет, это, видимо, замполит батальона сумел обработать комбата. Отсюда и агрессивная реакция на пусть и нетактичное, конечно, но все же объяснимое поведение командира роты. А раз так, то надо на самом деле идти до конца. Пусть отстраняют от командования ротой, на губу сажают, увольняют! Плевать! Надоело! Надо только объявить, что он, капитан Запрелов, ввиду резко ухудшегося состояния здоровья просит освободить его от руководства операцией на боевом выходе. Чтобы прокуратура дело на трибу-

нал не вытянула. Отказаться от выполнения боевой задачи на войне нельзя, свободно под суд загреметь можно, а вот по состоянию здоровья, да официально, – это пожалуйста. Нервный срыв. Правдоподобно? После почти двух лет практически непрерывных боестолкновений с духами – вполне! И за личный состав беспокоиться не следует. Без него роту на выход не пошлют. Заменят другим подразделением. А там свой командир, тот же капитан Аркаша Седой! Грамотный, опытный, решительный офицер. И вторая рота обстреляна не меньше первой. Так что...

Размышления Запрелова прервала противная трель фронтального аппарата.

Илья поднял трубку:

– Командир первой роты капитан Запрелов!

– Подполковник Полукаров!

Этого звонка ротный не ждал. Скорее вызова на ковер, но комбат позвонил.

– Обиделся?

На что капитан заметил:

– На обиженных сами знаете что возят!

– Обиделся! Ладно! За сопляка извини, но ты сам вынудил меня! Надо все же субординацию соблюдать. Пока служишь! Извинил?

– Извинил!

– Вот и хорошо! С замполитом я разобрался. Никто тебе в подготовке к выходу мешать не будет. Давай успокойся

да хорошенько над картой поработай. Опыта в действиях в горно-пустынной местности, как это пишут в наших официальных документах, у тебя более чем достаточно. Реального опыта. Честно говоря, но это между нами, площадка между склонов перед водопадом в Паршене меня тоже настораживает. Слишком уж заманчивая площадка для засады. Но ее сбрасывать со счетов нельзя. Надо подумать, как и открытое дно ущелья в ходе акции использовать, и другие варианты обработать. Но не тебя мне учить. Изучи, Илья, все досконально, по карте, конечно! А Гвоздев сейчас же вернется к тебе и будет работать по ротному плану. И никто никуда больше его не привлечет! Ты меня понял?

– Понял, товарищ подполковник!

– Вот и хорошо! Работай!

– Есть!

Связь отключилась. Капитан повесил трубку. Подумал все же комбат. И извинился он не ради мелкой выгоды, а ради обеспечения нормальной подготовки, организации и проведения боевой операции. Нет, это результат того, что Полукаров как был, так остался порядочным, справедливым человеком, умеющим признавать свои ошибки и извиняться перед подчиненными, что, к сожалению, дано очень немногим среди высокопоставленных армейских чинов, особенно носящих генеральские лампасы!

Ну что ж, работать так работать!

Вновь определив и уточнив прежнюю задачу вернувше-

муся из штаба замполиту, капитан Запрелов склонился над оперативной картой района.

Подумать командиру роты было о чем. Слишком легко с первого взгляда выглядела операция против духов. И каких духов? Исламуддина с Азизуллой, полевыми командирами самого Ахмадшаха Масуда – Панджшерского Льва. А тот любит замысловатые игры. Часто проводил такие операции, объяснения которым дать не мог никто. И только по истечении какого-то времени или в результате внезапного удара по другому направлению становился ясен замысел Масуда. Только после того, как Лев выигрывал свою партию! Так что не так все просто с этим караваном в Паршене! Хотя... нельзя исключать и то, что моджахеды не ждут нападения, а Масуд вообще не контролирует эту сделку. Но все надо тщательно изучить, разложить обстановку по полочкам. Отработать все возможные варианты развития событий в ущелье. И отработать сейчас, пока есть время. В момент, когда будет обнаружен передовой разведывательный дозор противника, решать что-либо поздно. И лучше, намного лучше начать действовать не хаотично, а по ранее выработанному плану, удерживая инициативу в своих руках. Инициатива в бою – быть может, решающий фактор успеха.

Глава 2

Капитану никто не мешал, не считая жары и мух.

Расстегнув китель, Запрелов склонился к карте.

Так, что мы имеем в этих богом проклятых квадратах 26–24 и 26–25? То, о чем уже говорилось на совещании. Ущелье Паршен с его водопадом и кустарниковыми склонами, тянущимися метров на сто пятьдесят от водоема, параллельно мелкому и широкому ручью, текущему среди камней, на запад, к брошенному кишлаку Доха. Сам водопад, ущелье за ним, а также выход к Панджшеру строго на востоке. С севера и юга перевалы. Перед южным – основательный лесной массив, поляна среди него, куда планируется высадка роты. Широкая поляна. За северным перевалом – горы с бесконечными хребтами и ущельями. От места высадки до южного перевала по прямой чуть более 5 км – капитан измерил расстояние курвиметром. Духи выйдут в ущелье завтра, 6 сентября. Когда именно? Утром, когда спецназ только займет позиции? Или к вечеру, когда рота основательно укрепится в районе применения? Этого никто не знает. Исламуддин должен вывести караван по тропе, окружающей водопад. Азизулла ожидается от кишлака Доха. Встреча на открытом участке ущелья! Как раз под покрытыми кустарником склонами, где свободно может укрыться не только рота Запрелова, но и более значительные силы. И для вертолетной атаки

дно открыто. Почему именно там духи назначили встречу? И этот рейд утвердил Масуд? Если, конечно, считать, что он лично участвовал в разработке данной акции душманов.

Получается, духи в открытую подставляются. С какой целью? Или они даже в мыслях не допускают засады в Паршене? А от воздушной атаки надежно прикрыты американскими ПЗРК «Стингер»? Может, и так, ведь один раз они уже прошли тем маршрутом. И прошли свободно, что следовало из информации командира батальона. Ладно, удачная охота ли ждет подразделение Запрелова, или душманская подстава, а выводить капитану роту в район применения придется. Но стоит ли действовать по плану командования батальона или поискать другие варианты? Вопрос открытый! Пожалуй, лучше поискать. Не нравятся ему простые решения. Как правило, такие вот легкие, приемлемые с первого взгляда задания в итоге и оборачивались большой кровью, превращая организованное боестолкновение в неуправляемую, жестокую драку с неоправданными потерями.

Капитан, закурив, глубоко задумался. Через час что-то похожее на решение у него сложилось. Но это не было вариантом действий, который можно было представлять комбату на утверждение в качестве окончательного. Не хватало рекогносцировки местности, а другими словами – работы отделения собственной разведки в указанных квадратах.

Ротный посмотрел на часы, 11.35. До совещания офицеров роты 25 минут. Капитан снял трубку, вызвал штаб через

дежурного комбата:

– Товарищ подполковник, капитан Запрелов!

– Слушаю тебя!

– Считаю, в 13.00 надо высылать к Паршену разведгруппу.

– Я уже думал об этом и согласен с тобой. Только не усилить ли ее до взвода? Территорию ребятам придется отработать обширную.

Ротный возразил:

– Нет! Привлечение к разведывательным мероприятиям полноценного взвода считаю нецелесообразным. Нечего там лишним людям до поры до времени светиться, разведчики сами справятся с поставленной задачей. Они у меня оценивали и большие по размерам и сложности ландшафта районы.

– Хорошо. Значит, в 13.00?

– Можно чуть позже, но лучше, если до захода солнца разведка увидит дно ущелья в квадрате 26–24, заодно посмотрит пригодность лесной поляны соседнего квадрата для приемки сразу трех «вертушек».

– Добро, Илья. Ровно в час одна из машин майора Андреева будет ждать твоих «пернатых» на площадке эскадрильи.

– Благодарю.

Полукаров спросил:

– Еще вопросы, пожелания будут?

– Никак нет, Юрий Владимирович.

– С замполитом своим конфликт замял?

– Иначе уже выгнал бы из подразделения.

Подполковник неожиданно рассмеялся:

– До чего ж ты, чудик, похож на меня в молодости! Я тоже таким упертым был.

– По вам сейчас этого незаметно!

– Что ж ты хочешь! Мне же не 26, как тебе, а 42. Разницу улавливаешь? Вот отобью Афган, отсижу где-нибудь пару лет в штабе – и домой, на Украину. Домик свой, сад, озеро рядом, лес. Красота!

Капитан добавил:

– А главное, никакого начальства!

Полукаров вновь рассмеялся:

– Это точно! Но хватит лирики, работай!

– Есть работать!

Запрелов вышел из канцелярии, оборудованной в одной из палаток, подозвал к себе дневального, приказал вызвать командира разведывательного отделения лейтенанта Плешина. Вспомнил, что опять не оформил представление на присвоение разведчику очередного воинского звания, решил это сделать сразу после совещания. Даже на руке написал, чтобы не забыть: «Плешин – старший лейтенант – сегодня!»

Серьезный не по годам лейтенант Плешин явился немедленно, доложил по уставу:

– Товарищ капитан, лейтенант Плешин по вашему приказанию прибыл!

Капитан опустил руку лейтенанта, поднятую к краю пана-мы:

– Присаживайся за стол. Посмотри карту, особенно на указанные квадраты, те, что я обвел синим карандашом.

Командир разведотделения склонился над столом.

Запрелов пододвинул ему пепельницу, сделанную из двух половинок крупной черепахи, положил рядом сигареты со спичками:

– Кури!

Лейтенант отказался:

– Спасибо, Илья Павлович! Я же не курю!

– Так и не начал?

– Нет!

– Молодец! Ну ладно, а я закурю и не буду тебе мешать въезжать в обстановку. Все пояснения позже, после оценки местности квадратов по карте.

Капитан закурил, отойдя к окошку. На территории, закрепленной за его подразделением, царил покой. Никакого движения, лишь редкие порывы пыльного ветра колыхали поднятую вверх ткань палаток. Личный состав отдыхал. Затувив окурок, командир роты вернулся к столу.

Разведчик спросил:

– Нам предстоит действовать в ущелье Паршен?

Ротный ответил коротко:

– Да!

– Что ж, место для отработки цели, конечно, подходящее,

я бы сказал, даже слишком подходящее. Если не секрет, какова цель?

– Ну какие от тебя могут быть секреты?

Капитан довел до лейтенанта поставленную подразделению предварительную задачу. Лейтенант задумался.

– Два отряда духов, примерно равные по силе, встречаются недалеко от водопада и подходят к месту встречи с разных направлений. В принципе, обычная схема, но непонятно, почему они так безмятежны? Уверены в том, что им никто не помешает? Или причина в другом?

– Вот на этот вопрос, Владик, я и хотел бы получить ответ. Согласись, даже при всей уверенности в безопасности такие рексы, как Исламуддин и Азизулла, вряд ли стали бы встречаться в удобном для нападения на них месте! Или предварительно обработали бы склоны.

Лейтенант согласился:

– Да, для людей Масуда подобная небрежность не характерна. А вообще черт их знает... Возможно, первый беспрепятственный проход ущелья придал им уверенности и снизил планку осторожности! Такое тоже бывало. Но в любом случае духи что-то в смысле безопасности предпримут.

– И что они, по-твоему, могут принять?

– Выставить посты раннего обнаружения вероятного противника, например! Хотя бы на вершинах перевалов. Много их быть не может, нет смысла распылять людей по хребтам, но пара штук вполне вероятна. И выставлять эти посты духи

должны уже сегодня.

Капитан поддержал офицера разведчика:

– Значит, уже сегодня им будут видны подлеты «вертушек».

– С пяти километров? Конечно!

– Так! Тогда делаем вот что! Собираешь свою группу и к 13.00 выводешь на вертолетные площадки авиационной эскадрильи. Убываешь в квадрат 27–24, но сажаешь вертолет не там, где это было запланировано ранее, а дальше от ущелья и ближе к его изгибу на западе. Вот тут. Место для посадки «вертушки» никакое, придется покинуть борт на лебедке, но зато от водопада твоя высадка будет не видна. Как и от брошенного кишлака. С этим ясно?

Лейтенант поинтересовался:

– 13.00 – это согласованное время вылета?

– Естественно!

– Командир экипажа получит соответствующие указания?

– А сам-то как думаешь?

– Извините!

– Да брось ты выкать, Влад! Это перед строем козырь, а когда вдвоем или на выходе, будь проще. Честное слово, режет слух твое вечное «товарищ капитан», «разрешите обратиться», «разрешите идти, Илья Павлович?». Какой я тебе Павлович? Ты с какого года?

– С шестьдесят второго!

– А я с пятьдесят восьмого! Разница-то тыфу!

– Я понял тебя, командир!

– Вот так-то лучше! Значит, десантируешься в квадрате 25–24. Подходишь к цели на максимально низкой высоте, но... об этом пилотов предупредим, а далее начинаешь работу следующим образом. У тебя семь человек, возьмешь еще одного связиста из отделения обеспечения с радиостанцией «Р-107». Это позволит в случае необходимости связаться с нашей частью. Далее, смотри на карту.

Офицеры вновь склонились над столом.

– Трех, самых выносливых, отправляешь по «зеленке» на восток. Им придется пройти километров пятнадцать по массиву, затем выйти к водопаду. И оттуда по южному хребту аккуратно начать движение назад, особое внимание, естественно, уделяя месту запланированной встречи каравана Исламуддина с людьми Азизуллы. Еще троих перебрасываешь через ущелье на северный перевал с задачей выдвижения от кишлака к водопаду с той же, что у первой тройки, целью. Сам с одним разведчиком и связистом очень внимательно присматриваешься к Дохе!

Лейтенант поднял на ротного сосредоточенный взгляд:

– К разрушенному кишлаку?

– Да! Ведь Азизулла только через него навстречу Исламуддину выйдет, а посему он со своей стороны также вполне может взять кишлак под контроль, согласен?

– Согласен!

Капитан продолжил:

– Итак! Как только разведгруппа проведет рекогносцировку местности и скрытую, я подчеркиваю это, скрытую разведку квадратов, доклад через связиста в штаб. Я буду находиться рядом, и меня вызовут. При обнаружении постов наблюдения или еще чего-то подозрительного опять-таки доклад мне с одновременным взятием постов под контроль! Ну а если ничего и никого не обнаружишь, я буду рад просто так перемолвиться с тобой в эфире! Перед самым вылетом основных сил роты – свяжемся. От результатов твоих, Владик, действий будет зависеть, где произведем десантирование и как организуем ликвидацию банд!

Лейтенант улыбнулся:

– Я все понял, командир!

– Ну, тогда давай собирай своих гвардейцев и ставь им задачу. На подготовку группы времени осталось мало!

Лейтенант покинул палатку.

Ротный хотел было набрать телефон штаба, но увидел подпись на руке. Тут же достал из папки лист бумаги, начав писать рапорт на имя командира батальона с просьбой о ходатайстве перед вышестоящим командованием по поводу присвоения очередного воинского звания «старший лейтенант» лейтенанту Плешину Владиславу Андреевичу, кстати, в свои двадцать два года уже кавалера ордена Красной Звезды! Когда документ был готов, Запрелов решил сам пойти к командиру батальона. Во-первых, надо было доложить ему о решении провести разведку в районе предстоящего приме-

нения и установить, при благоприятном раскладе, над ним контроль. А во-вторых, лично подписать представление и сдать его в строевую часть, чтобы случаем не завалилось среди всякого бумажного хлама помощника начальника штаба батальона.

Комбат оказался на месте. Вместе с замполитом. Но капитан Майдин тут же вышел, стоило Запрелову переступить порог кабинета. Ротный положил перед Полукаровым рапорт. Взглянув на него, подполковник спросил:

– Что это?

Капитан объяснил:

– Представление на лейтенанта Плешина по поводу присвоения очередного звания!

– А! Хорошо, оставь.

Командир батальона хотел уже сдвинуть рапорт в сторону, но Запрелов попросил:

– Подпишите, пожалуйста, сейчас, Юрий Владимирович, а я его на обратном пути в строевую часть сдам, а то испарится еще куда, и я забуду, а разведчик так и будет в лейтенантах ходить.

Полукаров взглянул на ротного:

– Отсюда ничего не исчезнет, капитан!

– И все же, если не трудно, подпишите!

Укоризненно покачав головой, подполковник взял рапорт и поставил свою размашистую подпись, приписав выше собственное ходатайство.

– Доволен?

– Доволен!

– Так! Теперь давай по теме!

– В 13.00 разведгруппа Плешина будет готова вылететь в район применения.

– Добро. Какую задачу имеет группа?

Капитан объяснил командиру батальона содержание задания, полученного разведкой.

Услышав о месте выброски группы, подполковник удивился:

– Почему там, а не на поляне, где планируется высадка основных сил?

– Потому что разведку целесообразней провести не с юга, а с запада, одновременно обойдя весь район и также одновременно проверив его на вшивость. По результатам разведки и можно будет назначить место высадки остальных подразделений роты. Не исключено, что на поляне, где и планируем.

– Ладно. В конце концов, в ущелье работать тебе, тебе и карты в руки. Задачу, поставленную разведгруппе, утверждаю.

Капитан напомнил:

– Неплохо было бы «вертушку» к назначенному времени приготовить да экипаж проинструктировать. Им надо подойти к месту высадки и отойти от него, во-первых, как можно более быстро и незаметно, а во-вторых, сделать это на мини-

мально возможной высоте.

– А то я без тебя не знаю, что надо делать, Запрелов!

– Напомнить никогда не лишне.

– Иди. В 13.00 «Ми-8» будет ждать разведчиков. Какой конкретно, Плешин определит по разгону винта. У тебя все?

– Пока – да.

– Значит, в 17.30 нам нет смысла собираться?

Капитан подтвердил то, что хотел сказать сам:

– Так точно! Только после получения хотя бы данных по перевалу мы можем что-то конкретно выработать. А до этого все может оказаться пустой болтовней.

– Но тебе надо быть в ущелье не позднее трех утра.

– Я это знаю.

– Когда ждешь первый сеанс связи с Плешинным?

– Думаю, он сможет сбросить первичную информацию в 18.00–19.00. Плюс-минус час.

Подполковник пробормотал:

– Лучше «минус».

– Согласен, но парни не на прогулку выходят.

Капитан, выйдя на улицу, встал у входа в штаб. Взглянул на часы. 12.10. До вылета разведгруппы еще почти час, в канцелярии, как и в палатках роты, делать нечего. Личный состав отдыхает. Пойти, что ли, тоже прилечь? Ночь-то она для всех бессонной предстоит. Да голова еще болит. Долго похмелье не отпускает.

Капитан прошел в свой отсек. Сел под приятно-прохлад-

ные воздушные струи кондиционера. Так, совещание перенесли, надо офицеров предупредить. Он позвонил дежурному по роте, сообщив, что находится в отсеке. Так положено, наряд обязан знать, где их командир в любое время дня и ночи. Теперь знает и, если что, вызовет. Хотя лучше не вызывал бы.

После звонка капитан сделал несколько бутербродов, с трудом проглотил их, запив диковинной фантой. В Союзе она еще не появилась, по крайней мере, в последнем отпуске офицер ее в продаже не встречал. Все больше «Буратино», лимонад, «Дюшес», кстати, тоже весьма неплохой напиток. А вот пиво, что «Жигулевское», что «Ячменный Колос», что «Адмиральское», особенно на разлив, – дерьмо. Моча ослиная. Да и в бутылках не лучше. Другое дело здесь, в духанах, чешский «Праздрой», немецкая «Бавария». Вот это пиво! Зато кока-кола – дрянь! Эх, все сравнимо и относительно в этом мире. Прав был Эйнштейн.

Подумав о пиве, раздеваясь до плавок, Запрелов вспомнил случай в Ташкенте, в парке недалеко от так называемого Белого дома – штаба Краснознаменного ТуркВО. Это произошло, когда он только прибыл для отправки в Афган и, проторчав весь день без дела на шестом этаже в управлении кадров округа, наконец вырвался на улицу, пышущую жарой. Пить ему хотелось давно, но столовую с буфетом закрыли, не глотать же хлорку из крана умывальника в туалете? Терпел, пока выберется на свободу. Выбрался! В парке пив-

ная, и вокруг, как ни странно, никого. Он подошел к будке, увидел окошечко, стойку, поллитровые и не очень обычные банки вместо кружек, кран с надетым на носок длинным и тонким шлангом и вывеску, гласившую: «Пиво Жигули 0,5 л – 22 коп. с пеной! Просба давай мелач!»! Видимо, пивник не особо в свое время отягощал себя приобретением каких-либо знаний, в том числе и русского языка. Да, впрочем, зачем оно ему нужно, если уже с пеленок, наверное, было предопределено главой семейства, кем конкретно станет его мордатый и щербатый ныне отпрыск!

Запрелов, тогда еще старший лейтенант, подошел к окошку, спросив пивника:

– Кислятиной торгуешь?

Продавец искренне возмутился:

– Ай, зачем так говорищ, офицер? Пиво – ништяк, мамой клянус, много народ пьет, не успеваю наливай!

Физиономия пивника была такой добродушной, что так и хотелось подколоть этого толстяка, яростно защищавшего свое прибыльное дело:

– Чего не успеваешь доливать. Воды, что ли?

– Вай, вай! Ты сопсем не хорошо говорищ, Рашид весь гарнизон знает, все у Рашида пиво пьют.

– Ладно, ладно, успокойся, а чего банки выставил, где кружки?

– А какой разниц? Был кружки, разбили, покупать, опят разобьют. Пусть уж банки.

– Но они не все по пол-литра!

– Зачем так говоришь? Я что, обманывать буду?

Говоря это, пивник глядел в глаза Запрелову так, будто офицер оскорбил его в самых лучших чувствах.

Илья решил подвести разговор к концу, одно ему не терпелось узнать, и он спросил:

– А что значит 0,5 л с пеной 22 копейки! Что у тебя, пиво в одной бадье разное? Одно с пеной, другое без?

На этот раз вопрос задал сам пивник:

– Ты, наверное, только что в Узбекистан приехал?

– Да, – признался Илья.

– Понятна! Патаму и не знаешь. Я тебе скажу, будешь знать. С пеной – неполный банка получается, понимаешь? Пене-то тоже место надо? А без пены полный, по цене уже 25 коп. Так тут принято. Везде, где хочешь, проверь!

– И как же ты умудряешься одному с пеной налить, другому без?

Пивник с сожалением посмотрел на Запрелова. Наверное, подумал, какой бестолковый офицер попался.

– А шланг зачем?

– Зачем? – переспросил Запрелов.

– Пиво брать будешь?

– Буду!

– Вот давай я тебе две банки разный и налью, а?

– Давай!

Пивник приступил к работе, поставил рядом две банки по

поллитра, в одну засунул шланг, открыл кран. Емкость до краев наполнилась желтой, слегка мутной жидкостью. Вторую же подобным образом толстяк наполнил до половины, затем, увеличив напор, пережал шланг. В банку устремилась пена, поток которой умело и вовремя остановил пивник. Вытащил шланг, повернув кран и указав на емкости:

– Вот! Один с пеной, другой без! Понятна!

– Теперь понятна!

– Пятьдесят копеек с тебя!

– Это еще почему?

– Ай, сдача нет! Потом зайдешь, долю!

Старшему лейтенанту осталось только покачать головой:

– Ну ты и циркач!

Физиономия продавца расплылась в довольной улыбке:

– А как иначе? Деньги нада? Нада! Отец за этот точка знаешь сколько заплатил?

– Сколько?

– Машин купить можно!

– Да ты что?

– А ты как думал? У нас не Россия, за все платить нада. Не будешь платить, иди на завод, станок крути. Нищий будешь!

Запрелов поинтересовался:

– Тебе морду здесь еще никто не бил?

Толстяк испуганно взглянул на офицера:

– Ай, не хочешь пива, не надо. Возьми деньги, другой точка недалеко, за трамвайный путь. Но там не лучше. Везде

одинаково. Жизнь такая.

Речь продавца прервали два прапорщика, в это время подошедшие к лавке. Один из них, полный, кивнув офицеру, крикнул в окошечко:

– Рашид, шельма! А ну, налей хорошего!

Пивник как-то встрепенулся:

– Григорич? Салам, дорогой! Сейчас, подожди, канистр достану, для тебя с завода не фильтрован.

– Смотри! А то как котенка в бочке утоплю, ты меня знаешь!

– Ай, конечно! Сейчас! Держи, тебе и твой друг!

Пивник выставил на подставку кружки с прозрачным и в меру пенным пивом. Сразу было видно: настоящее, свежее, не разбавленное.

Прапорщик между тем посмотрел на банки офицера, вновь позвал пивника:

– Эй, урюк, а ну подь сюда!

– А? Че? Иду, иду!

Он вышел из своей конуры, встав рядом с огромным прапорщиком.

Тот указал на банки старшего лейтенанта, спросив:

– Что это?

Пивник ответил без особого энтузиазма:

– Пиво!

Григорич, как назвал прапорщика узбек, грозно повысил голос:

– Это пиво?

– Канечна!

– Пей!

– Зачем? Я не пью!

– Запьешь! Пей, сказал, свою бодягу!

– Не-е!

– Тогда, блядь нерусская, быстро смени парашу на пиво и банки для своих чурбанов оставь, а офицерам чтобы кружки подавал. Или хочешь, чтобы тебя выкинули с территории городка?

Продавец засуетился:

– Да, да, сейчас! А выкидывать не надо! Тут рядом места нет, а на окраине кому продавать?

Через минуту перед Запреловым стояли две кружки прохладного пива со сдачей в 8 копеек.

Прапорщик посоветовал, указывая на Рашида:

– Вы, старлей, с ним построже! Борзый безо всякого предела! Но ссыкун еще тот. Так что если что, за шкибот и на улицу. А там прямо в пятак! И безо всяких базаров. Иначе уважать не будет. А они нормальные, только когда уважают! А вас в Афган?

Запрелов подтвердил:

– В Афган!

Прапорщик вздохнул, поднял кружку:

– Ну, давай, за тех, кто там, «за речкой», долг свой интернациональный исполняет!

Выпили. Расстались.

Этот случай запомнил командир роты и помнил до сих пор.

Взяв полотенце, капитан направился на выход, намереваясь перед сном принять душ. И на входе столкнулся с Лизой!

– Здравствуй, Илья!

Медсестра являла собой самую скромность. Наигранную, возможно, отрепетированную.

– Уже виделись, – напомнил Илья, – ты чего пришла?

– Ты опять на войну уходишь?

Капитан покачал головой:

– В этом гарнизоне хоть что-то скрыть можно?

Лиза взглянула ему в глаза:

– Можно! Но только то, что желаешь скрыть! И если есть что скрывать. Остальное, в том числе ложь, невозможно!

– Ты на что намекаешь? На наш вчерашний разговор? Думаешь, надрался и ни хрена не помню? Ошибаешься.

– Может, пропустишь? А то люди кругом, так и шарят глазами!

– Тебя это смущает?

– Да, представь себе, смущает!

– С каких это пор?

– Как только встретила тебя! Но ты пропустишь меня? Я ненадолго. Не волнуйся!

Капитан посторонился, пропуская женщину в отсек. Хочет выговориться, пусть говорит. Может, на самом деле ко-

рит себя за измену. Только ничего уже не поправить. И не в измене было дело.

Лиза прошла в спальню.

Встала под кондиционер, прошептал:

– Как хорошо! А у нас что-то забарахлил!

– Если ты насчет кондера, то не по адресу, извини, но я не мастер по ремонту бытовой техники.

– Я знаю! Ты не мастер, ты разрушитель. Бессердечный и безжалостный разрушитель всего святого, что есть у женщины.

Капитан удивился:

– Ого?! Как мы заговорили? Продолжай! Красиво говоришь! Научил кто?

Лиза вздохнула:

– Все оскорблять хочешь? Тебе это удастся!.. Скажи, Илюша, а тебе не жаль меня? Хоть капельку?

– А чего тебя жалеть? Женщина видная, красивая, молодая. Кавалеров хоть отбавляй, только пальцем помани. Деньжат здесь, в Афгане, подзаработаешь, шмотками импортными затаришься. Да из тебя такая невеста в Союзе будет! А то и отсюда холостячка какого вытащишь. Так чего тебя жалеть?

Женщина подошла к капитану. Положила ладонь на волосатую грудь.

– Я о другом, Илья! Тебе любви моей не жаль?

Запрелов изобразил удивление:

– А разве была какая-то любовь?

Лиза смиренно произнесла:

– Была... и остается! Это моя любовь к тебе.

Капитан вздохнул:

– Ну вот, началось все по новой! Ты что, не поняла смысл вчерашнего разговора? Или я теперь должен каждый раз тебе это повторять? Между нами все кончено! И, пожалуйста, иди в свой батальон или еще куда, мне надо душ принять и выспаться.

– Значит, выход? Ночью?

– Иди, Лиза! Ну не дожидайся, чтобы я вновь стал с тобой груб. Не вынуждай.

Но Лиза не тронулась с места. Напротив, она ближе прижалась к офицеру, подняв взгляд, который до этого прятала. И глаза ее горели страстью! Капитан попытался оттолкнуть ее от себя, но она вцепилась в него:

– Илья, Илюшенька! На все согласна, хочешь бей, хочешь топчи, хочешь выгони, но дай последний раз насладиться тобой. Чтобы на всю жизнь запомнить.

Ротный упустил момент, когда следовало решительно все это пресечь, и она перехватила инициативу. Почувствовав слабину в поведении офицера, женщина отпустила его, чтобы, сбросив халат, под которым совсем ничего не было – Лиза готовилась к этому приходу, – вцепиться жаркими губами в его губы, обняв за талию.

Капитан был не железный... А Лиза хоть и шлюха, но жен-

щина. Женщина привлекательная. Она повалила его на кровать, сорвала плавки и рывком оказалась на нем. Капитан закрыл глаза. Наконец их тела разлепились. Лиза, раскинув ноги, ничего не стесняясь, томно улыбалась, шепча:

– Хорошо! Как же хорошо! Словно в космосе! Не чувствую себя!

Капитан молчал, проклиная себя за слабость. Тешила единственная мысль, что ЭТО было в последний раз. Вот только в последний ли? Не надо бы допускать ее до себя, не надо. Но она, как хищница, мастерски подготовила атаку. Лиза знала, что перед боевым выходом Запрелов почти всегда испытывал желание владения женщиной. Это было своеобразной защитной реакцией его организма на возможную опасность. И разделась она в медсанбате, следила за перемещениями офицера, чтобы не терять времени, не упустить преимущества первого удара. Но он-то? Он-то зачем поддался? Эх, чего теперь думать. Он повернулся к Лизе, спросил грубо:

– Получила свое?

Женщина изобразила обиду:

– Ну почему опять так грубо, Илья? Я же со всей душой! Разве тебе было плохо со мной?

– Как всегда! Так я спросил, получила свое?

– Эх, Илья, Илья! Не надо ничего говорить. И спрашивать ничего не надо. Я сейчас уйду, а ты отдыхай. Об одном прошу, возвращайся с войны живым, а? Очень тебя прошу!

Остальное, по большому счету, все ерунда!

На этот раз слова Лизы показались капитану искренними.

– Хорошо! Я постараюсь! Прощай!

– Может, лучше до свидания?

Капитан согласился:

– Ну, хорошо, хорошо! До свидания!

Лиза встала, и тут в отсек без стука, без предупреждения явился командир второй роты капитан Аркадий Седой. Увидев совершенно голую Лизу, стоявшую возле постели, на которой возлежал одетый в костюм Адама, но без фигового листа его боевой товарищ, ротный застыл от неожиданности. Потом сообразил:

– У, мать твою, пардон, леди и джентльмены! Пардон, исчезаю!

Но Запрелов остановил его:

– Куда, Аркаша? Стой, где стоишь, дама покидает нас. И я встаю!

Лиза набросила на себя медицинский халат, совершенно не обращая внимания на присутствие третьего мужчины, поправила прическу и вышла из модуля. Капитан надел плавки и вышел к сослуживцу.

– Тебя-то каким ветром ко мне занесло, Аркаша?

– Попутным, Илюша, попутным! А ты Лизку все продолжаешь обихаживать?

Запрелову не понравилась излишняя развязанность товарища:

– Дела с Лизой – это мои дела!

– Да какой базар, Илюш? По мне, хоть женись на ней, правда, предупреждаю сразу, отговаривать буду!

– Почему?

– Честно?

– Естественно!

– На передок слаба твоя Лиза. Хочешь обижайся, хочешь нет, но до мужиков она слишком уж охочая. И неразборчивая.

Хозяин отсека прошел в комнату, заменяющую столовую и кухню. Присел за стол, закурил. Напротив сел и Седой, тоже достал сигарету из пачки Ильи.

Запрелов спросил:

– Ты сам спал с Лизой?

– Я? Нет! У меня, ты же знаешь, докторша раньше была, маленькая такая, как дюймовочка. После нее новеньких пробовал, все не то, а с Лизой никогда и ничего. Слово офицера!

– Так почему говоришь, что слаба она на передок?

– Ну, Илья, об этом весь гарнизон знает!

– Может, все слухи? Зависть?

– Ты чего, серьезно с ней решил завязаться, что ли? Башку в горах оставил?

– Успокойся!

– Ни хрена, успокойся! Друг такие кренделя выписывает, а ты успокойся! Нет, конечно, по большому счету, шуры-муры с Лизой – твое дело! И слушать ты никого не будешь,

сделаешь, как решишь. Это ясно! Не ясно другое. Ты сам-то совсем слепой? Я уж не говорю о слухах. Им можно верить или нет, но принимать за аргумент нельзя. Но глаза-то? А? Хотя...

– Что хотя?

– Хотя, когда Лиза здесь гуляет, ты всегда в горах, на войне. При тебе она другая.

– А ты уверен, что она гуляет, в смысле с другими спит? Может, так, от скуки, винца перехватит, потанцует, ночью прогуляется!

Седой махнул рукой:

– Думай, что хочешь! Лично свечку у ее ног не держал. В постели с мужиком не видел! И хорош о ней! Разбирайся с бабами сам. Не забывай, что у тебя еще в Союзе жена есть, а то закружишься, да по замене явишься домой, как султан Брунея, со второй, младшей женой!

Илья тихо произнес:

– Нет у меня, Аркаша, в Союзе больше семьи. Никого нет, ни семьи, ни родных, ни близких, один я!

– А Валя? С ней что-нибудь случилось?

– С ней-то как раз порядок! Развод просит. Другого нашла!

Седой протянул:

– Да-да, дела-делишки! И что, в самом деле, за жизнь блядская? Хорошо, что я холостой! Никаких забот, никаких проблем по этой части! А почему? Да потому, что некому

их создавать! Вот докторшу Людку, пожалуй, пригрел бы, а там и женился, но ей, как и твоей Валентине, видимо, птицу другого, более высокого полета надо. А мы для них так себе, забавы молодости! Но ладно о бабах. Идут они к черту, я к тебе вот чего зашел. Говорят, ночью в Паршен собрался?

Запрелов покачал головой:

– Ну не чудеса? В этом гарнизоне хоть что-то бывает секретным?

Аркадий постарался успокоить товарища:

– Ты остынь, не кипятись и не возмущайся. С секретностью, по крайней мере по служебной линии, и у нас в батальоне все в порядке.

– Слава богу! Хоть так! А то скоро духи сами нам карты начнут выдавать с целью!

– Не утрируй! Конечно, про то, что рота твоя уходит на войну, практически все знают, на это подготовка подразделения и «вертушек» указывает, а вот где ты воевать собрался, не знает никто из тех, кому не положено знать.

Илья возразил:

– Тебе не положено, но ты знаешь?

– Э! Я – другое дело. И узнал о Паршене случайно, когда к ребятам в эскадрильи заходил. У меня там земляк транспортным «Ми-8» командует, Марат Шабанов, знаешь такого?

– Знаю!

Аркадий продолжил:

– Так вот, зашел к ним, а ребята как раз по карте на стене отрабатывают полетные задания вокруг этого самого Паршенского ущелья. Мне стало ясно, что тебя бросают именно туда!

– Ну и что?

– А то! Помнишь недели две назад, в двадцатых числах июля, десантура севернее Паршена операцию против банд Нуруллы и Рахматулло проводила?

– Помню, ну и что? Я не пойму тебя.

– Тогда штурмовой бригаде удалось лишь частично выполнить задачу. Да, Рахматулло они разбили в клочья, да и моджахедам Нуруллы досталось крепко, но все же сам Нурулла с отрядом штыков в пятьдесят-шестьдесят ушел. Вернее, банду рассеяли, но главное, что они остались. Путей отхода у Нуруллы, кроме как уйти ближе к Пакистану, не было. Да и стаю свою ему собрать еще надо было. Думаю, он это сделал и сейчас вполне может бродить где-то вблизи района предстоящего применения твоей роты.

Запрелов согласился с товарищем:

– Все это, Аркаша, возможно. Но я выхожу против Исламуддина и Азизуллы, людей Масуда, а Нурулла никогда не контактировал с ним. Напротив, он вроде как объявил себя врагом Панджшерского Льва. Так что, даже зная о нашей операции, Нурулла вряд ли вмешается.

– Ты прав! Специально помогать людям Масуда он не будет, но если получит возможность укусить тебя, то укусит

больно, исподтишка. Так что ты учти возможное появление Нуруллы возле Паршена.

– Что ж, спасибо за предупреждение. Я учту его! Так ты за этим заходил?

– Да!

Аркадий ушел, а Запрелов, приняв душ и сменив простыни, сохранившие в себе запах тела Лизы и ее дорогих духов, уснул.

Поднял его дневальный по роте:

– Товарищ капитан, товарищ капитан, меня старший лейтенант Гвоздев за вами послал!

Протирая глаза, ротный спросил:

– А что случилось?

– Там вас на связь вызывают!

Капитан сразу вскочил, взглянул на часы: 18.20.

Вызывать его в это время мог только командир разведгруппы, лейтенант Плешин.

Илья быстро облачился в форму, бегом побежал в отделение связи, которое ютилось рядом с его канцелярией, в одной палатке. Наружу была выброшена лучевая антенна, позволяющая вести связь в радиусе 50–60 км. Но уже работал промежуточный усилитель, так что говорить с подчиненными ротный мог без особых помех. Подойдя к радиостанции «Р-107», он взял протянутую связистом трубку.

– Гроза-1, я – Гром! Заданный район обследован. Видимых признаков присутствия страшующих сил духов не об-

наружено, замечено какое-то движение к югу от ущелья, но установить его источник не представляется возможным. За главным объектом наблюдение установлено.

– Понял тебя! Значит, никаких постов на данный момент в районе нет?

– Нет!

– Как прошла посадка?

– Нормально, но по-штурмовому!

– Я понял тебя, Гром. Оставайся на своей позиции. О всех изменениях в обстановке немедленный доклад, с этой минуты связист постоянно слушает твою станцию. До связи!

– До связи, Гроза-1!

Возвратив трубку связисту, приказал:

– Соедини с командиром батальона.

– Слушаю тебя, Илья! – донесся голос Полукарова.

– Докладываю. Состоялся первый сеанс с Плешиним, только что.

– Каковы результаты?

– Все нормально. Подробнее на совещании.

– Добро. Собирай офицеров и ко мне. Совещание в 19.00.

Капитан прошел в канцелярию. На входе встретился с заместителем командира роты. Спросил:

– Как с подготовкой подразделения?

Гвоздев ответил, как всегда, невозмутимо:

– По плану, товарищ капитан. Личный состав подняли, как и было указано, в 17.00, сейчас совместно со старшиной

проводим основные подготовительные мероприятия.

– По-русски сказать не мог?

– А я, кроме русского, другого языка не знаю!

– Знаешь! Бюрократический! Но ладно, передай дела старшине Шахадзе, сам же топай к штабу. В 19.00 совещание у комбата!

– Есть!

Глава 3

Совещание началось ровно в семь часов докладом командира роты капитана Запрелова, сообщившего результаты работы разведчиков в районе предстоящего боевого применения штурмового подразделения.

– Таким образом, на настоящий момент можно утверждать, что и ущелье, и прилегающая местность «чисты», правда, Плешин отметил какое-то движение в «зеленке» южного района, примерно в том направлении, где нами запланирована высадка основных сил, но это движение могло принадлежать и группе животных.

Подполковник переспросил:

– Животных? В лесу? Днем?

– Ну не все же звери ведут ночной образ жизни?

– Хорошо, возьмем это на заметку. Вы, Запрелов, подготовили проект решения на выполнение боевой задачи?

– Да.

– Докладывайте!

– Предлагаю место высадки переместить на запад, в точку, где десантировалась разведгруппа.

Полукаров поднял глаза на капитана. Тот продолжал:

– Думаю, откуда нам легче будет действовать в дальнейшем. Сложнее высаживаться, но действовать легче. От той точки, я обозначил ее буквой А, рота, разбившись повзвод-

но, может охватить ущелье от брошенного селения Доха до водопада, а также перевалы с подходами к ним, ну и, естественно, само ущелье.

– А зачем тебе охватывать все ущелье, если район применения по плану смещен к востоку и определен в конкретном месте расширения перед водопадом?

Командир роты, немного подумав, ответил:

– Мы и выйдем в заданный район. Но, охватывая ущелье, я еще раз лично хочу убедиться в отсутствии подставы или скрытых наблюдательных пунктов, которые могут появиться перед самой встречей Исламуддина с Азизуллой.

Подполковник сказал:

– Другими словами, ты решил перестраховаться, а то, что людям за три часа предстоит совершить марш в пятнадцать километров, тебя не смущает? Марш, после которого на позиции выйдут физически уставшие бойцы!

Запрелов согласился:

– Да, кое-кому крюк в пятнадцать верст придется сделать, но не всей роте! Возможно, я и перестраховываюсь, но лучше сделать это до появления духов, чем после, когда перестраиваться, возможно, придется в ходе боя.

– А с чего ты решил, что роте необходима страховка? По моему, в Паршене все ясно. Штурмовое подразделение оседлает хребты, спрячет резервы для блокировки ущелья и накроет караван у водопада, находясь в статичном положении.

Капитан проговорил:

– Если бы так! Но что-то мешает мне уверовать в то, что моджахеды подставят себя, как бараны.

Вступил в разговор начальник штаба:

– Илья Павлович, у вас есть конкретные причины или данные, позволяющие сделать вывод о том, что главари банд знают о предстоящей акции и готовят встречный удар?

– Нет, товарищ майор, ни причин, ни данных у меня никаких нет. Однако я вывожу в горы людей, которые подчинены мне и за которых в первую очередь я несу персональную ответственность. Мне не хотелось бы вернуться на базу с горой трупов из числа личного состава, а посему принимаю решение действовать по собственному плану и настаиваю на его утверждении. Ничего страшного в том, что бойцы пройдут лишние километры по несложному ландшафту, не вижу. Будет хуже, если, приняв за основу самый простой вариант, мы в ходе операции столкнемся с такими обстоятельствами, когда изменить тактику без потерь станет невозможным.

Капитан присел на табурет.

Командир батальона посмотрел на взводных:

– Ну а вы что скажете, товарищи старшие лейтенанты?

Телюпин, Хоманов, Дебижа, переглянувшись, пожали плечами.

– Да нам, товарищ подполковник, что так, что этак! Но ротному виднее. Он не раз и не два выводил подразделения в рейды, и всегда они заканчивались удачно, не считая случая с засадой. Но в том случае вины Запрелова не было.

Поднялся замполит роты:

– А я, товарищ подполковник, считаю, что следует работать по ранее отработанному плану. Для его изменения по варианту командира роты никаких оснований не вижу.

Запрелов, взглянув на заместителя, еле слышно проговорил:

– Ты у меня их в горах увидишь, тактик хренов!

Подполковник, однако, услышал шепот ротного, правда, не разобрав сказанного, поэтому спросил:

– Ты чего там бормочешь, капитан?

– Я? Ничего! Так, вспомнил один анекдот про пару офицерских сапог.

Комбат, зная этот анекдот о тупости пехотных офицеров, поинтересовался:

– И к чему ты его вспомнил?

Запрелов вспылил:

– Да к чему, к чему? Ни к чему! Вспомнил, и все!

Комбат посоветовал:

– Ты нервы-то до выхода попридержи. Они тебе там, в горах, еще пригодятся.

И, повернувшись к офицерам, ударил ладонью по столу:

– Значит, имеем два предложения. Первое – действовать по измененной схеме, согласно варианту капитана Запрелова. И второе – отработать цель по ранее выработанному штабом батальона плану. Голосовать, естественно, не будем, не на колхозном собрании. А посему перекурите пока. Я уточ-

ню кое-какие детали и объявлю окончательное решение.

Офицеры роты вышли из модуля, задымили, усевшись в курилке. Замполит Гвоздев держался обособленно, но был, как всегда, непроницаемо спокоен. «Смотри ж ты, – подумал Илья, – пацан еще, а как научился на людей смотреть. Не так, как должностью и уставом предписывается, а высокомерно, с таким холодком, как бы говоря: «Я начальник – ты дерьмо!» Далеко пойдет, если из Афгана живым выберется».

Гвоздев чувствовал, ротный думает о нем, но старался не показывать, что это как-то его волнует. У Запрелова своя служба, у Гвоздева – своя! А то, что он заместитель капитана, то это, по большому счету, лишь на бумаге, истинный начальник старшего лейтенанта – замполит батальона. От Майдина зависит дальнейший рост Гвоздева, а не от Запрелова, а посему и акценты в двойном подчинении старлей будет расставлять соответствующим образом. И плевать, как на это реагирует командир роты. Пусть взводных своих дровичит, а замполит не взводный, хоть по штату и приравнен к нему.

На крыльцо вышел дневальный по штабу, объявив:

– Товарищи офицеры, командир батальона просит вас зайти к нему в кабинет.

Офицеры побросали окурки во вкопанную в землю бочку с водой, поднялись и проследовали в штаб. В кабинете, кроме комбата, находились майор Самуленко, капитан Майдин и капитан Седой. Полукаров указал младшим офицерам на пространство у стены, не приглашая к столу. Вышел, встал

перед строем:

– Как говорится, мы тут посоветовались, и я решил следующее. Смирно! Слушай боевой приказ. Учитывая известную всем нам обстановку, оценив поставленную командованием задачу, приказываю первой штурмовой роте капитана Запрелова в ноль часов сегодня на трех вертолетах «Ми-8» убыть в район Паршенского ущелья с целью обнаружения и уничтожения каравана душманов, с захватом груза и по возможности главарей банд. Операцию под кодовым названием «Водопад» провести по варианту командира роты, которому до 23.40 привести подразделение в состояние боевой готовности «полная». Принимая во внимание вероятность резкого изменения обстановки в ходе операции, для прикрытия и огневой поддержки наземных сил по необходимости привлекается звено «Ми-24», штурмовая рота капитана Седого переводится на режим готовности к переброске в район действий подразделения капитана Запрелова в качестве оперативного резерва командира первой роты. Связь с батальоном держать постоянно. В случае невозможности капитаном Запреловым исполнять свои обязанности в ходе операции руководство переходит к старшему по должности офицеру! Вольно! Можете присесть.

Комбат прошел к своему столу. Вытер платком пот со лба.

– Приказ отдан, и с этого момента он имеет силу закона. Подразделение обязано выполнять поставленную задачу. Сейчас несколько слов вам скажут мои заместители, ну а я

выступлю с напутствием ночью, когда выйду проводить роту.

Комбат обратился к начальнику штаба:

– Майор Самуленко, вам слово!

Начальник штаба высказал свои пожелания офицерам, приводя различные примеры ранее проведенных батальоном успешных и не совсем акций, уделил внимание укомплектованности роты боеприпасами, использованию маскировочных средств, приборов ночного видения, правильной организации периода ожидания противника. Особое внимание уделил тому, как обеспечить сохранность средств связи. В общем, сказал то, что говорил всегда тем, кто уходил, как здесь, в Афганистане, говорится, на войну.

За ним выступил замполит.

Речь того была более пространной и напыщенной. Дескать, каждый солдат и офицер должен проникнуться возложенной на него миссией, выполняя высокое и почетное задание партии и правительства по оказанию интернациональной помощи дружескому нам народу ДРА. Короче, нес свою обычную политическую лабуду, которая у каждого уже в печенках сидела.

После того как Майдин закончил, командир батальона разрешил всем разойтись.

К Запрелову подошел старшина роты, прапорщик Шахадзе, крепкий грузин с совершенно седой шевелюрой, хотя ему было тридцать шесть лет.

– Командир, медикаменты в медсанбате получить бы на-

до!

– Ну и в чем проблема? Получай!

– Так у них зампотыл новые накладные откуда-то притащил, теперь за бинты да лекарства командиры подразделения расписываться должны!

– Что за чушь? Старшина им уже не подходит?

– Получается, так!

– Ну, давай, неси накладную, распишусь, делов-то!

– Э, нет, капитан, тебе самому надо идти к ним!

– Вот, бля, еще этого не хватало. И за боеприпасами или полотенцами тоже мне надо идти?

– За боеприпасами да, а остальное, что касается хозчасти и питания, я получу.

– Ладно! Иди, занимайся своей хозчастью.

Командир роты вызвал дежурного по роте:

– Сержант! А куда у нас делся замполит?

– Здесь, товарищ капитан, походную ленинскую комнату комплектует.

– Чего??

Сержант, улыбаясь, повторил:

– Походную ленкомнату комплектует.

– За каким..? Где комплектует?

– В канцелярии.

– Дурдом «Ромашка», а не рота спецназа, совсем очумели политруки.

Отбросив полог, ротный вошел в палатку, прошел до кан-

целярии. Встал у самодельной коробки, на которой крепилась фанерная дверь-временка. Гвоздем, разложив складные щиты походной ленинской комнаты, стоял, приложив палец к подбородку. Спросил:

– О чем задумался, Игорь Семенович?

Замполит резко повернулся к командиру:

– Да вот, наглядная агитация. Думаю, что с собой на выход взять!

Капитан указал пальцем на ленкомнату:

– Ты что, решил эту дуру в горы тащить?

Старший лейтенант бросил на Запрелова неодобрительный взгляд:

– Зачем же так, товарищ капитан? Это не дура, а сами знаете что. На щитах барельеф Ленина, фотографии членов Политбюро. Решения последнего съезда партии, к которой вы, кстати, также имеет самое прямое отношение!

Илья взорвался:

– Да по мне хоть весь состав Совета Безопасности ООН туда наклей, а к Ленину Маркса с Энгельсом добавь. Кто эту гармошку будет в горах таскать? Об этом ты думал, замполит? Она же место ящика с боеприпасами займет. А случись, затянется бой, чем отстреливаться будешь? Фотографиями членов Политбюро? Или агитацию среди духов развернешь? Так они тебя быстро вместе с твоей ленкомнатой в щепы уделают!

Наконец, чуть ли не впервые за все время совместной

службы, замполит утратил спокойствие, возмущившись:

– Как вы можете говорить подобное? Вы, член КПСС? И потом, согласно приказу командующего и особому распоряжению члена военного совета, походная ленинская комната должна находиться с подразделением везде вне расположения части, независимо от того, какую задачу она выполняет, учебную или боевую!

Капитан тяжело вздохнул:

– Как же ты меня достал, Гвоздев! Ну почему в других ротах замполиты ребята как ребята, а у меня фанат какой-то политический! В чем же я перед Господом провинился, что нормальных к нормальным, а тебя ко мне направили? Короче! Или ты запиливаешь эту шарманку опять за шкаф, или я отстраняю тебя от участия в операции. Но учти, после этого тебе в батальоне никто руки не подаст, даже солдаты. И можешь бежать к своему Майдину жаловаться! Мне по херу, понял?

Старший лейтенант задумался. А стоит ли затевать конфликт с ротным, по сути, из-за каких-то кусков фанеры и фотографий руководителей-старцев? В конце концов никто и никогда в других подразделениях не брал на боевые выходы полевую агитацию. Это действительно был маразм. Никто, если не поднимать шума, не узнает, брал ли в Паршен ленкомнату он, Гвоздев! А поднимешь шум, себе хуже сделаешь. Запрелова уже не отстранят от руководства операцией, а вот ротный может настоять на том, чтобы замполита ро-

ты оставили в части. И мало того, что он не примет участия в перспективной и почти гарантированной акции, за участие в которой можно и орден получить, если в штабе подсуеетиться, но его еще и трусом сочтут, отмазавшимся от боевого выхода. Тогда точно весь личный состав его презирать будет. И никакой Майдин не поможет. А что это значит? Значит, на карьере можно ставить точку! И все из-за походной ленинской комнаты? Да шла бы она вместе с членами Политбюро... Гвоздев повернулся к командиру роты:

– Извините, товарищ капитан! Вы правы! Ни к чему нам в бою агитация. Но и меня понять можно, я всего лишь исполняю приказы и распоряжения по линии политорганов. Я уберу ленкомнату, но прошу, чтобы об этом не узнал замполит части!

Запрелов по натуре своей был упрямым и решительным. Но в то же время и отходчивым человеком. Зла не помнил.

– Ну вот и ладно! Убирай это все и давай, Гвоздев, на получение боеприпасов. Получится, побольше выбей, они нам лишними не будут, ну а не получится, ограничимся разнарядкой. Ящики доставить сюда и складывать в канцелярии под наблюдением дежурного по роте!

– Понял, товарищ капитан! Накладная в службе ракетно-артиллерийского вооружения?

– Спроси у старшины, раньше он все получал.

– Понял!

Замполиту следовало идти, но он остановился на месте.

Илья спросил:

– Что еще?

– Зря вы так ко мне относитесь, товарищ капитан. Я же старался не для себя. Что бы сами на моем месте делали? Если Майдин проходу не дает своими бесконечными вводными?

– Обиделся, что ли?

– А как вы считаете? Ни за что получить нагоняй... Я же вас не оскорбил, не унизил, высказал то, что требовалось по службе. Думаете, мне комфортно находиться в таком двойственном положении?

Запрелов подошел к столу:

– Ладно, Игорь, проехали! Не обижайся, я тоже на тебя сорвался не со зла, тут, понимаешь, каждый патрон, каждая фляга с водой на счету, а ты с ленкомнатой прешь! Но хватит! Будем считать, что никакого разговора между нами не было, а насчет агитации не волнуйся, никто не узнает, что мы не брали ее с собой.

– А если Майдин спросит?

– А вот своему Майдину отвечай сам! Проверить он ничего не сможет. Я твои слова подтвержу!

– Благодарю!

Командир роты вспомнил про медикаменты. Вот черт, надо в медсанбат шлепать. А там Лиза наверняка привяжется. И постарается это сделать на виду у всех и специально для него, Запрелова. Дескать, как же она могла изменить, ес-

ли все знают, что ее любовник только он, капитан спецназа? Противно все это. Еще поддался ей, завалился в постель и засветился перед Аркашей Седым. Тот ничего, базарить не будет. Но все равно противно. И почему как-то тревожно? Не так, как обычно перед боевым выходом. Наверное, все дело в бабах. Одна от него, по сути, уже ушла, другую он погнал. А что дальше? Одному за бутылкой водки до очередного задания куковать. Спиваться начал... Может, и вправду Гальку Журанову пригреть? На последние два месяца здесь? Та без претензий и Лизу отошьет быстро! Но не лежала душа к Гальке. По пьянке пойдет, базара нет, а вот по-трезвому? Хотя на хрена ему бросать пить? Служба дальше все одно пойдет через пень-колоду. Тем более в Союзе, где порядки не то что здесь. Там «Равняйся – отставить», «Стройся, шагом марш». Показуха, именуемая дисциплиной. А может, в Союзе как раз и женщину нормальную встретит? И семью слепит? Вот тогда и пить бросит. Может же он держаться, когда надо? Хотя признаться, с каждым разом все тяжелее дается это. Но ничего. Прорвемся. Нечего гадать и строить планы, когда на носу бой с духами и еще неизвестно, чем он кончится. А то запаяют капитана Запрелова в цинковом гробу, и все. Тогда он никому не будет нужен точно. Ни Лизе, ни Гальке, ни той, что мог бы встретить. Однако все! Хватит! Мысли какие-то дурные, так и с ума спрыгнуть недолго. Надо делом заниматься. В нем одновременно и опасность смертельная, и спасение!

Спасение от внутренней безысходности, душевного одиночества, депрессии, которая так и норовит затянуть капитана в свои железные объятия! Итак, все побоку, работаем! А значит, идем в медсанбат.

В штабе медиков получил накладную. Но она не была подписана командованием. А за командира, который отбыл в отпуск, остался зампотыл, как старший по званию. Странно, но он имел звание подполковника. Видимо, хорошо служил, раз опустили до майорской должности. А может, сам напросился в Афган? Такое тоже возможно. Выйдя из штаба, капитан закурил и тут, как и предполагал, увидел Лизу. Нет, она словно следит за ним. Медсестра между тем подошла:

– Какие проблемы, Илюша?

– Ваш зампотыл проблема!

– А что такое?

– Да вот не могу накладную подписать!

Лиза взяла Запрелова под руку:

– Идем на склад, сейчас все получишь!

– Подожди, а подпись?

– Обойдемся! Скажу, кому надо, подпишут потом!

– Но у меня и людей с собой нет!

Лиза попросила:

– Дай-ка накладную!

Капитан протянул ей бумагу.

Она засмеялась:

– Здесь на два ротных пакета. Легких пакета, мы с тобой

и вдвоем до вашей части донесем.

Илья хотел было отказаться, появляться вместе с любовницей в подразделении ему не светило, но Лиза уже потянула капитана за собой. Запрелов аккуратно освободил руку:

– Не надо этого, Лиза!

– Стесняешься?

– А к чему подобная демонстрация?

– Как скажешь. Вы ночью улетаете? Только не говори, что это какая-то там тайна. Знаю, что ночью, от пилотов «вертушек» узнала!

– Зачем?

Женщина ответила просто:

– Проводить тебя!

– Еще чего не хватало!

– Почему бы нет?

– Не надо! Слышишь?

– Слышу! Ты до вылета так и будешь в роте? Или в модуль вернешься?

Запрелов посмотрел на Лизу:

– А что?

– Да ничего! Зашла бы! Нет, ты не подумай ничего. В постель не потащила бы, понимаю, впереди у тебя не прогулка по парку. Просто посидели бы вместе, чаю попили. По себе знаю, как плохо находиться в одиночестве, особенно перед каким-то непредсказуемым событием.

Капитан усмехнулся:

– А что, ты когда-нибудь проводила вечер в одиночестве?

Я имею в виду здесь, на базе?

– Ну вот! Опять ты так и хочешь оскорбить меня.

– Ничего я не хочу. Ничего!

– Так нельзя, Илюша!

– Все! Прекратим разговор, вот ваши склады. Или делаем дело, или я пошел искать вашего зампотыла.

– Идем, идем!

С помощью медсестры капитан действительно безо всякой подписи, даже своей, которую просто не успел поставить, получил два плотных пакета, набитых бинтами, жгутами, какими-то коробками. Выйдя со складов, стремление Лизы помочь пресек сразу:

– Так, родная, за помощь спасибо, дальше я как-нибудь сам. И вечером не приходи.

– Эх, дура я, дура!

– Ты чего это вдруг взялась за самооценку?

– Я же, Илюша, аборт от тебя сделала. После того как мы первый месяц встречались. Не думала, что полюблю, казалось – так, близость ради близости, а получилось вон как. А когда захотела забеременеть, не получилось. Так врачи говорят. Может, ошибаются?

Капитан подозрительно посмотрел на бывшую любовницу:

– К чему ты это все говоришь мне?

– Ты глухой, да? Люблю я, дура, тебя, понимаешь, люблю,

и если не тебя, то хоть ребенка бы твоего могла иметь! Поэтому и говорю, что дура! Возможно, тогда ты поверил бы мне! Но ладно, чего нет того нет. Ты решил бросить меня, я ничего не могу с этим поделать. Об одном еще раз прошу, возвращайся живым? Очень прошу!

– Я уже слышал это!

– И еще, Илюш! Я смирилась со своей участью, но, если все на выходе пройдет удачно, позволь хоть видеться с тобой? Если, конечно, не заведешь себе новую, более молодую подружку.

– Не будем загадывать. Еще вернуться надо.

Лиза взяла его за руку:

– Так позволишь?

– Вернусь – посмотрим. А сейчас иди. И сделай, пожалуйста, чтобы сегодня я тебя больше не видел. Возникнут проблемы с накладной, звони в роту, вызывай заместителя. У меня много дел.

– До свидания, Илья.

– Прощались уже.

Подняв пакеты, капитан направился с ними к батальону спецназа. А Лиза смотрела ему вслед.

Как хорошо, что они опять встретились. Поговорили, помогла ему. Еще не отошел капитан, но уже разок переспал с ней после разоблачения, не выдержал. Еще переспит! Лишь бы война своей железной рукой не задела его в горах. После выхода другим станет. В ласке нуждаться будет. А ласка вон

она, рядом. И встретит, и напоит, и накормит, и в постель уложит. Успокоит взволнованную боем душу. А вместе с ней и тело. Так что забудет обо всем. Теперь Лиза будет очень стараться угодить капитану во всем! И мысли о ребенке от него уже не уйдут. Пусть и не родившемся. Отойдет Илюша, отойдет! И будет ее! Ведь согласился же видеться изредка? Согласился, хотя и сказал – посмотрим. А разве смогут они просто так видеться? Чушь. Голодный мужчина с голодной женщиной, сидящие на скамеечке, – это чушь собачья. Голодные мужчина с женщиной стремятся в постель, чтобы утолить голод. Это закон природы. Надо ей это время, пока Запрелов будет воевать, вести себя монашкой. Пошли к черту все ухажеры. Но быть на виду, чтобы все видели, она одна. Будут видеть – доложат Илье. А это то, что надо! Если сейчас не гуляла, то, может, и в прошлый раз оговорили? Гарнизон, он ведь такой. Можно верить лишь себе, и то с оглядкой. Непорочную оговорят так, что превратят в шлюху. Дай только повод. Хотя, если задаться целью и манипулировать слухами, создавая их, то можно и любую шлюху выставить образцом добродетели. Жаль, что она сама поняла это только сейчас. Если бы раньше! И Илюша был бы при ней мужем законным, и на стороне любовники водились. Для разнообразия! Надоели, сменила или выбросила, сохраняя семью в неприкосновенности. Но что сейчас об этом думать? Упустила она свой главный шанс. Теперь приходится вымучивать другой, запасной. Но все еще в ее руках, как бы ни пыжился

Запрелов. Вся его беда в том, что он отходчив. Обидчив, но отходчив. Необходимо время и постоянное присутствие рядом, непрекращающееся давление. Непрекращающееся, но не навязчивое. И, как говорится, враг будет разбит, победа будет за нами!

Если бы знала Лиза, насколько она переоценивает собственные возможности, то настроение опустилось бы у расчетливой и циничной особы на ноль! Но она не могла этого знать и продолжала витать в облаках.

Запрелов внес пакеты в палатку, бросив их к ногам дневального, при появлении командира истошно закричавшего:

– Смирно!

– Вольно! – ответил Илья. – Где дежурный?

– Отошел, товарищ капитан!

– Куда?

– Ну, это, в сортир!

– Хватай пакеты, тащи в каптерку!

– А тумбочка?

– С собой возьми!

– Все за раз не унесу!

Ротный внимательно взглянул на солдата-первогодка. Такие первые полгода проходили специальную подготовку в отдельном подразделении, числясь в штатах боевых рот, и привлекались к службе внутреннего наряда. Спросил:

– Ты сам-то понял, что сказал?

– Никак нет!

– О господи! Бери пакеты и неси в каптерку. У тумбочки я постою!

Дневальный возразил:

– Вам не положено!

Илья рявкнул на молодого:

– Делать, что сказал!

Это подействовало, и пакеты в мгновение ока переместились на другой конец палатки.

Запрелов посмотрел еще раз на дневального:

– Как фамилия?

– Чабисов!

– Ты к моей роте приписан?

– Так точно!

– Значит, повезло мне?

Дневальный пожал плечами:

– Не знаю!

– Зато я знаю! Повезло, и очень. Хотя нет, это повезло тому, кто придет после меня. Уже легче! Неси службу, Чабисов, как положено!

– Есть, товарищ капитан!

Ротный прошел в канцелярию. Сел за рабочий стол, закурил. На часах стрелки приблизились к 20.00.

Через час отдельно заказанный ужин и начало непосредственной, предполетной подготовки. А значит, и начало всей операции «Водопад».

В 23.40 рота капитана Запрелова в полном составе и бо-

своей экипировке выстроилась на бетонке вертолетных площадок у рокотающих на малых оборотах вертолетов «Ми-8».

На «УАЗе» подъехал командир батальона.

Вышел к личному составу.

На попытку доклада командира роты махнул рукой:

– Не надо, Илья.

Прошелся вдоль строя, осматривая экипировку, а главное, всматриваясь в лица солдат, сержантов и офицеров. Осмотром остался доволен. Бойцы спокойны, в меру напряжены, сосредоточены. Как и должны быть перед тем, как вступить в схватку с противником.

Вышел на середину строя, перекрывая шум двигателей, обратился к подразделению:

– Товарищи, друзья! Вновь вам предстоит выполнять боевую задачу. Прошу каждого помнить, что он защищает интересы Родины, которая ждет своих героев живыми. А посему требую в ходе ли марша, в засаде или при непосредственном ведении боя проявлять разумную осторожность. Действовать только по приказам командиров. Ребята вы опытные, не раз битые, но и бившие противника в самых сложных ситуациях. Мы спецназ, а это значит – лучшие из лучших. Желаю вам удачной охоты и благополучного возвращения на базу. До скорой встречи!

Комбат повернулся к ротному:

– Давай, Илья, начинай посадку!

Командир роты отдал соответствующие распоряжения, и

бойцы, подняв десантные сумки, в шеренге по двое двинулись к задним распахнутым дверям массивных вертолетов. Каждый взвод в свою машину.

Пока личный состав занимал места в «вертушках», комбат отвел ротного в сторону:

– Вот что, Илья! Ты поаккуратней там. Что-то подсказывает мне, что нелегкой станет эта прогулка в горы. Я потому и согласился с твоим вариантом, что слишком легкой на карте выглядит цель. Это настораживает. Духи далеко не простаки, особенно полевые командиры Ахмадшаха Масуда. А тут будто подстава какая-то! Главное, все подходы к ущелью до рассвета прощупай, на всех господствующих высотах пулеметные гнезда установи, ну и, соответственно, резерв оставь. Да что я тебе это объясняю, ты и сам все прекрасно знаешь.

– Знаю, командир!

– Как прибудете на место, немедленный доклад мне, может, Плешин чего нового добавит. В общем, удачи тебе, Илья, и возвращения. Хоть бы без потерь.

– Постараюсь!

Офицеры пожали друг другу руки, и капитан направился к головной винтокрылой машине, отметив кассеты с неуправляемыми реактивными снарядами. В принципе, в них на данный момент не было никакой необходимости, но персонал эскадрильи, видимо, просто не стал из-за ночных полетов снимать вооружение, которое уже утром, возможно,

опять придется подвешивать к подкрылкам.

А комбат смотрел вслед капитану.

Подполковник, как и Запрелов, находился в Афганистане последние месяцы, и за все время пребывания «за речкой» сколько вот таких рот, взводов, групп он провожал на боевые задания? Но он помнил всех. И тех, кто возвращался с победой, и тех, кого выносили из вертолетов на плащ-палатках инвалидами или с остекленевшими навсегда глазами. Как-то сложится на этот раз?

Тяжело вздохнув, Полукаров сел в «УАЗ», приказав водителю следовать в штаб, к связистам. Эта ночь для подполковника, как и для роты Запрелова, будет бессонной...

Вертолеты заходили на площадку, чуть не касаясь шасси верхушек невысоких здесь сосен. Над поляной зависли, выбрасывая из чрева спецназовцев. Те, соскочив с полуметровой высоты на землю, тут же отбежали веером в стороны.

Капитана Запрелова, первым покинувшего головную «вертушку», встретил лейтенант Плешин. Отвел командира к подножию огромного валуна.

– С прибытием, товарищ капитан!

– Спасибо. Как тут?

– Тишина. По всему периметру охваченной территории.

– И ничего подозрительного?

– Ничего. А вы моих ребят знаете, профи.

– Знаю. Теперь давай подробнее о движении, которое было замечено твоими профи в лесу.

– Да я и не знаю, как подробнее. Тройка, что пошла по южному направлению к водопаду, имея задачу контролировать подходы к перевалу, первые пять километров прошла нормально...

Капитан перебил:

– Как шли?

Плешин не понял:

– В смысле?

– Построение!

– А! Каскадом! Один по хребту, наблюдая ущелье, другой чуть ниже, осматривая местность и перед собой, и глубже в лес, третий вдоль подножия, отслеживая непосредственные подступы к перевалу.

Капитан удовлетворенно кивнул:

– Все правильно. Дальше?

– Пройдя отметку в пять километров, средний наблюдатель заметил движение по кустарниковой просеке, что режет лес с юга, километрах в шести от перевала. И движение не одиночного объекта. По кустам перемещалась группа, только вот кого – неизвестно.

– Люди?

– Не исключено, но непонятно, почему они ломались по кустам, когда можно было двигаться по лесу.

– Животные?

– Более вероятно! Если стая волков... Похоже, но опять-таки необъяснимо. Им тоже поднимать шум не свойственно.

– Но здесь же на них охотников нет.

– Тем более бежали бы себе тем же лесом.

Запрелов проговорил задумчиво:

– Да! Непонятка! И весьма неприятная. Мы проверить ничего не сможем, а прикрывать тылы теперь придется. Значит, отвлекать от основной акции пусть небольшие, но все же силы. Ладно. Сейчас я разведу роту, посмотрим на ущелье.

Капитан вернулся к поляне, от которой отошел третий вертолет, и все подразделение сгруппировалось вокруг открытой зеленой площадки, ожидая дополнительных распоряжений командира. И они последовали.

– Дима! – обратился Илья к командиру первого взвода старшему лейтенанту Телюпину. – Уходишь со взводом на запад, преодолеваешь перевал и в заброшенном кишлаке устраиваешь позицию. Одно отделение оставишь здесь, в моем резерве. Часть людей поднимешь на противоположный склон. Как обустроишься, доклад. Ясно?

– Так точно!

– Вперед.

Ротный повернулся к командиру второго взвода старшему лейтенанту Хоманову:

– Ты, Боря, со своими орлами вдоль подножия, что чуть правее нашей поляны, рвешь почти до водопада. Это 15 км, может, чуть больше, чуть меньше. На марш тебе пять часов, в 5.40 я должен услышать доклад, что твой взвод вышел в заданный район. Вопросы?

– Какие могут быть вопросы, командир? Погнали мы!

– Давай!

Следующий – командир третьего взвода старший лейтенант Дебижа.

– Ну, а тебе, Миша, разделить взвод надвое.

– Буду закрывать хребты?

– Угадал! В районе планируемой обработки каравана, в месте, где дно ущелья расширяется недалеко от водопада. Один полувзвод во главе с замкомвзводом пускаешь по северному хребту, второй ведешь сам, по южному. Марш тебе, как Телюпину, предстоит совершить сложный. Как достигнешь, синхронно по двум направлениям, района применения, с хребтов уходишь, но не в заросли кустов, спускающихся в ущелье, а наоборот, на противоположные склоны – так, чтобы со дна тебя не видно и не слышно было. По одному наблюдателю на хребты, остальным все внимание за тылами. Как укрепиться, подойду и я. Давай, Миш, пошел! Как можно резвее, пожалуйста.

Ушел и третий взвод. Рядом с капитаном остались замполит старший лейтенант Гвоздев, семь человек отделения первого взвода, санинструктор прапорщик Копытко и ротный связист сержант Москалев. Запрелов указал Гвоздеву на лесной массив, объяснил:

– Во время разведки отделением Плешина там было замечено непонятное движение, возможно животных, возможно людей. Простым афганцам тут делать нечего, следовательно-

но, если это были люди, то наверняка духи. Не исключе-
но, какая-нибудь блуждающая, отбившаяся от своих банда.
Небольшая. Может быть, она уже покинула лес, так как дви-
жение в массиве было замечено днем, но не учесть данный
факт мы не можем. Поэтому, Гвоздев, вот тебе, – капитан
указал на отделение, – семь бойцов, выдвигайся к району
применения и прикрой его с юга. Одновременно будь в го-
товности при необходимости подняться на перевал или со-
вершить какой-либо другой маневр в зависимости от того,
как сложится обстановка в ущелье. Тебе все ясно?

– Ясно-то ясно, одного не могу понять, для чего мы десан-
тировались здесь, когда почти всем взводом предстоит сме-
ститься правее и на довольно большое расстояние?

Капитан поморщился:

– А вот это, старший лейтенант, сугубо мое дело, как и
что делать на выходе. Командир пока я! Усек?

– Так точно!

– А усек, чего ждешь? Ноги в руки и вперед!

Группа прикрытия, ведомая замполитом роты, тоже скры-
лась в темноте леса.

Запрелов приказал связисту развернуть радиостанцию и
вызвать командира батальона. К командиру роты подошел
санинструктор:

– А мне чего прикажешь делать, Илья?

Прапорщику Копытко уже перевалило за сорок, и он
был самым старшим по возрасту военнослужащим подраз-

деления, поэтому наедине обращался к командиру довольно фамильярно, что Запрелов воспринимал спокойно, уважая немалые заслуги прапорщика и долгую нелегкую службу. Ему обязан жизнью был не один десяток бойцов.

– А ты, Иван Петрович, иди-ка прямо вон к тому черному валуну, видишь?

– Вижу.

– Там лейтенант Плешин, пообщайся пока с ним, скоро и мы с Москалевым подойдем.

Подняв две санитарные сумки, прапорщик направился к командиру разведотделения.

Тут же Илье протянул трубку связист:

– Комбат на связи, товарищ капитан.

– Первый? Я – Гроза-1, как слышишь меня?

– Слышу хорошо! Какие дела, Гроза?

– Благополучно прибыли на место, начали первый этап мероприятия.

– Вокруг все спокойно?

– Спокойно.

– Это хорошо. Значит, теперь до утра?

– Да, Первый. Начальный этап думаю завершить к шести часам, так что можете отдыхать.

– Не получится с отдыхом. Жду следующего сеанса связи.

Вернув трубку и дождавшись, пока сержант свернет радиостанцию, капитан вместе со связистом направился к валуну. Плешин с Копытко о чем-то тихо переговаривались,

вернее, говорил санинструктор, затем раздался приглушенный смех. Запрелов улыбнулся. Опять Иван Петрович анекдоты травил.

При виде командира разведчик с медиком замолчали. Ротный подошел к ним. Повернулся к Копытко:

– Тебе, Иван Петрович, в артисты надо было, а не в прапорщики.

– Надо было, да не вышло! Кто ж меня туда взял бы без лапы мохнатой? Вот и пришлось в спецназ податься. И не жалею. Уж точно не хуже, чем у артистов.

– Да? Ну, это кому как.

Ротный обратился к Плешину:

– Давай, лейтенант, веди на перевал! Тропы, надеюсь, нащупал уже?

– А как же без этого? Десять минут, и будем на вершине, в одной очень удобной расщелине, откуда ущелье и противоположный склон как на ладони.

Поднявшись на перевал и устроившись в действительно удобной расщелине, откуда хорошо просматривался кишлак и довольно глубоко – пространство на восток, капитан разрешил перекурить. Все, за исключением Плешина, достали сигареты и, пуская дым по камням, закурили. В 1.20 прошел доклад Телюпина. Одно его отделение укрепилось в развалинах брошенного кишлака Доха, второе поднялось на склон, укрывшись среди кустарниковых зарослей, прикрывшись висунами – висячими глыбами.

Капитан доклад принял и приказал ждать дальнейших распоряжений, докладывая обо всех изменениях в обстановке. Запрелов проговорил:

– Так, точка «А» заблокирована. Это хорошо.

Командир разведгруппы спросил:

– А вы что, товарищ капитан, отсюда будете руководить операцией?

Илья потянулся:

– Нет, Вадим! Хотя позиция – конфетка, но придется и нам пробежать километров этак надцать. Ближе к водопаду. Вот бы и там найти такую же расщелину, а? Поставил бы задачу своему наблюдателю?

Плешин ответил:

– Рад бы, да не могу. У него другое, более важное задание.

– Ты прав. А посему спускаемся вниз и вперед вдоль ручья против течения к водопаду.

Командир разведгруппы удивился:

– Пойдем ущельем?

– А что? Посмотрим, что оно собой представляет. Может, пригодится!

– Но я не знаю здесь спуска. Может быть, левее, где взвод Телюпина спускался?

– Нет, это потеря времени. Начнем спуск прямо из нашей расщелины, а дальше видно будет. Разведка, вперед.

Группа из четырех человек начала медленный, осторожный спуск.

Спустились благополучно, сэкономив более полчаса, которые неизбежно потратили бы на маршрут первого взвода. Дно оказалось достаточно ровным, чтобы организовать марш-бросок. Перед тем как начать его, Запрелов предложил санинструктору:

– Давай, Петрович, свои сумки, а то большую часть пути бежать придется!

Прапорщик усмехнулся:

– И что? Думаешь, стар я стал для подобных бегов? Ошибаешься, командир! Посмотрим, кто еще первым привала запросит!

– Да? Ну что ж, посмотрим!

И, обернувшись ко всей группе, спросил:

– Готовы?

– Так точно!

– Вперед, спецназ!

Вытянувшись в колонну по одному, спецназовцы начали марш-бросок.

Глава 4

По ущелью продвигались быстро, его дно на всем протяжении было относительно ровное. После каждого километра делали десятиминутный привал. В 4.40 на связь вышел старший лейтенант Дебижа:

– Гроза-1, я Гром-3, прошу ответить!

– Слушаю тебя, Гром-3!

– Исходные позиции занял на обоих участках.

– Ничего подозрительного не заметил?

– Нет!

– Добро. Организуй службу в режиме ожидания и следи внимательно за обстановкой.

– Принял! Выполняю.

Тут же, с разницей в две минуты, доложил замполит роты. Его отделение заняло рубеж прикрытия южного перевала. А в 5.32, с опережением графика, в район водопада вышел взвод старшего лейтенанта Хоманова. Ему Запрелов поставил задачу более конкретно, но еще не раскрывая общего замысла операции:

– Следи за выходом через водопад в ущелье. Бандиты наверняка пустят впереди и поверху передовые дозоры. Далее уточнение задачи и работа. Как понял?

– Понял тебя, Гроза-1!

– Работай!

Спустя двадцать минут группа командира роты достигла района применения, представлявшего собой точную копию того, что было отображено на карте. Расширенное до пятидесяти метров дно ущелья на востоке, метрах в восьмистах, водопад с небольшим водоемом, по бокам покрытые кустарником склоны обоих Паршенских перевалов. Здесь и следовало встретить, а затем и уничтожить караван Исламуддина и силы Азизуллы. Применяя прибор ночного видения, капитан осмотрелся. Да, что ни говори, а место, как на полигоне, выбрано удачнее не придумаешь. При благополучном развитии событий спецназовцам в первые минуты столкновения предстоит работать, как в тире, имея перед собой ничем не защищенные цели. Это чуть позже духи огрызнутся, все же всех сразу их подавить не удастся. Тогда и будет введен в действие третий этап варианта Запрелова, если считать за второй массовый расстрел моджахедов. Но вряд ли все пройдет как по маслу. Внутренним чутьем, выработанным двумя годами войны, капитан чувствовал это. Как развернется бойня на самом деле, не известно никому. Но пока все идет по плану. Оглядывая склоны, на северном Запрелов увидел отвесный утес, как бы выпирающий из перевала. Странно, что он раньше не обратил на него внимание. Очень привлекательный утес, надо его пощупать.

Закончив изучение ущелья, капитан отдал приказ подниматься на южный склон, предварительно оповестив об этом старшего лейтенанта Дебижу, чтобы тот указал более-менее

подходящее место. Тот не только обозначил звериную тропу, но бросил вниз канат, чтобы группе командира было легче подниматься.

В 6-15 Запрелов находился уже на позиции, оборудованной Дебижей за хребтом, метрах в десяти ниже, как и было приказано. Смотавший канат сержант оказался и наблюдателем за ущельем. Если и на противоположном хребте заместитель Дебижи так же организовал размещение бойцов, то можно сказать, что взводный-3 со своей предварительной задачей справился на отлично. До позиции старшего лейтенанта командир роты не заметил ни одного солдата третьего взвода, не считая, естественно, наблюдателя на перевале, – бойцы замаскировались профессионально. Впрочем, иную Запрелов и не ожидал.

Опустившись в яму, образованную вывернутыми корнями огромной поваленной сосны и накрытую плотной сетью, ротный опустился на землю:

– Ух! Ну вот, кажется, и дома!

Копытко прокряхтел:

– Нашел тоже дом! Век бы этих прибежищ не видеть.

Кстати, Миша, – спросил прапорщик Дебижу, – как тут насчет змей и всякой прочей ползучей твари?

– Не знаю, Петрович! Мне они как-то побоку, так что я землянку не обследовал.

Санинструктор укоризненно заметил:

– А зря! Давай сейчас проверим!

Ротный устало произнес:

– Да, завязывай ты, Петрович! Какие на хрен змеи? Если и были, то при появлении человека расползлись. Тут могут быть гюрзы да скорпионы. А они сваливают при приближении опасности. Это тебе не эфа песчаная или тот же бестолковый щитомордник. Но даже и они при нашем подходе свист подняли бы. Нет тут никого, садись, отдыхай. А ты, Москалев, – капитан повернулся к связисту, – достань-ка из мешка пару сухпайков, перекусим. Пока есть возможность.

Сержант взялся за вещевой мешок, Плешин же, видимо, решил разговорить санинструктора, слывшего большим мастером выдавать всяческие небылицы вперемешку с анекдотами. Подсев поближе к прапорщику, он спросил:

– Скажи, Иван Петрович, вот ты медик, человек образованный, а змей боишься, почему? Ведь прекрасно знаешь, что в боевой аптечке против любой дряни сыворотка имеется?

Копытко взглянул на лейтенанта:

– Один такой, вот точно, как ты, только подлинней ростом, со мной однажды в горном учебном центре, еще в Союзе, в командировке был. Ну, он, понятно, начальник, хоть и лейтенант, – кстати, невезучий до безобразия. Тому ботинки за день надоело таскать, он под вечер в шлепанцы обувался. На голу ногу! И это у каньона, который назывался конкретно: Змеиный. Мы, помню, как-то раз решили с ребятами танкистами в каньоне, подальше от глаз начальника лагерного

сбора, пикничок устроить, расслабиться. Надраться, короче. Расстелили на камни матрацы, одеяла, выставили спирт, закусь, как положено...

Запрелов перебил санинструктора:

– Извини, Петрович, но, по-моему, ты о другом речь начал. О невезучем лейтенанте!

Прапорщик поморщился:

– Да не перебивай ты! Слушай, не смотри, что вилять буду, в конце все прояснится! Иначе я не смогу поведать вам весьма поучительную во всех отношениях, включая последствия случайных связей с бабами, историю.

Запрелов махнул рукой:

– Ну, раз о бабах расскажешь, валяй, все одно делать нам нечего. Закусываем по ходу выступления нашего Айболита.

Копытко, наскоро сделав бутерброд с паштетом и прожевав солидный кусок, приосанился:

– Так вот, решили мы нажраться и все для этого приготовили. Ну и, конечно, нажрались! Да не просто так, а в сиську. Думали тихо посидеть, специально же подальше от лагеря отвалили, да вышло все наоборот. К утру такой шум подняли, что начальник сборов, один из заместителей командира артиллерийского полка нашей дивизии, с полевым караулом явился. Но я этот эпизод уже плохо помню. Только солдаты с фонарями, да подпол чего-то орет. Потом вырубился совсем. А поутру просыпаюсь. Трое ребят-танкистов рядом валяются, а на валуне солдат с автоматом сидит. Оказалось,

начальник лагерного сбора, «шестьдесят шестой» подогнал, тех, кто двигался из нашей теплой компании, в лагерь отправил, ну а рядом с нетранспортабельными караульного посадил. Ну, я огляделся, смотрю – в самой низине каньона трещина в скале, оттуда еще с вечера что-то наподобие шелеста ручья слышалось. Думаю, умыться не помешает. Спускаюсь. С солнца ничего не вижу и уже руки хотел в трещину засунуть, да поскользнулся и больно так вцепился в камень, время понадобилось в себя прийти, а заодно и к темноте привыкнуть. Опять к трещине, а там?! Мать твою? Змеи! Гадом буду! Свились вокруг друг дружки толпой немереной и шевелятся. Вот трение их чешуи за шелест воды и принял. Сразу назад. Думаю, хорошо, что поскользнулся, а то бы сунул руки. Они б в момент меня охреначили. Тут и танкисты поднимаются. У одного фляга в заначке. Похмелились. Надо на базу идти, сдаваться, да и солдат просит. Я фуражку искать, хрен там. Нигде нет. Потом только узнал, что мы ее взрыв-пакетом в воздухе разорвали. Кто-то предложил посмотреть, насколько пакет подбросит головной убор. Пьяные были, чего взять?

Прапорщик замолчал, продолжив есть бутерброд.

Лейтенант-разведчик толкнул его:

– Так что лейтенант-то твой? И что дальше было?

Вставил слово и сержант-связист:

– Да, товарищ прапорщик, вы еще о бабах хотели сказать.

– Ну, вы что, подождать не можете? – с полным ртом от-

ветил санинструктор. – Будет вам и лейтенант, и бабы будут.

Проглотив ранний завтрак, Копытко, удобнее устраиваясь между двух коряг, продолжил:

– Короче, летеха в ту ночь каким-то образом от патруля слинял! Поступок, конечно, поганый, а с другой стороны, чего ему было светиться, когда можно чухнуть? Свалил, в общем, он в парк, а к обеду я подруливаю. Подполковник вставил за пьянку по самое не могу и отпустил с богом. Возвращаюсь я, а Саня Лыбчук, так его звали, на гамаке в летучке рембатовской качается. Увидал меня, ржет. Я на него, но это неинтересно. Интересное вечером началось. Мы в летучке этой так и зависли. Бойцы газеты окружные принесли, я на стеллаж лег, Лыбчук в гамаке. Смотрю, встает! Надевает свои шлепанцы. Спрашиваю, куда намылился? А он берет газету, говорит: до ветру, товарищ прапорщик, в овражек прогуляюсь. Меж тем стемнело. Я ему: иди, мол, в сортир. Он в ответ – далеко! Тут, мол, овраг сгодится, не в первый раз. И вышел. Я тоже взял газету, раскрыл, начал читать всякую белиберду, вдруг вопль! Как раз от оврага. И тут же, буквально через какие-то секунды, вваливается Лыбчук. Шары на лбу, рот перекошен, орет:

– Петрович, меня гюрза херакнула!

Посмотрел, точно, на пятке отметки от зубов, покраснение и опухоль пошла. Время весеннее было, змеи тогда, как известно, наиболее ядовитые. Я за аптечку, а найти не могу. Вспомнил, в палатке оставил. Время терять нельзя. И полу-

чается, что до лагеря за сывороткой бежать, что до санчасти Учебного центра на летучке проехать. Но в санчасти надежней! Я за руль и в Учебный центр. Пока вез, Лыбчука так раздуло, не узнаешь. Но откачали.

Разведчик спросил:

– И в этом все его невезение?

Прапорщик усмехнулся:

– Если бы! Это так, ерунда, случайность. С каждым может произойти, а непруха у него с бабами была. Как какую ни снимет, через три дня с конца капает. Представь себе, втроем в город поехали. В кабаке трех чувих сняли. Посидели, как люди. Одна замужней представилась. Пора и по хатам, позабавиться. Разбираем девок. Лыбчук сразу за замужнюю хватается. И ничего, что она его в барак какой-то потащила, главное – замужняя, значит, безопасная. Ну а мы с корешом, особо не разбираясь, поделили двух остальных. Утром встречаемся на остановке, пивка попили, посмеялись. Лыбчук доволен. А через три дня закапало! Представляете? Нам двоим хоть бы что, а у летехи – очередной трепак. Сам из троих бабу выбрал и опять налетел. Это как расценить? Это уже не случайность. А закономерная вещь.

Копытко повернулся к сержанту-связисту:

– Так вот, намотай на ус, Москалев, в Союз вернешься – поаккуратней с этим делом!

– А че я? У нас девки в деревне здоровые!

– В деревне-то, может, и здоровые. Да смотри, в поезде,

по пути домой на какую шалаву с голодухи не запрюгни.

Закончив повествование, Копытко спросил у командира:

– Капитан! Позволь перекурить?

В режиме ожидания, находясь в боевом походе, курение запрещалось, но сейчас, если по уму... Запрелов разрешил:

– Ладно! Только мордой к земле и дым в мох, понятно?

– Ясный палец, ученые!

Разрешение санинструктору принял на свой счет и сержант, уползший в кустарник следом за прапорщиком. Неожиданно пропищала рация. Илья сам включил станцию:

– Гроза-1 на связи!

И услышал слегка искаженный помехами голос комбата:

– Я – Первый! Как у тебя?

– Пока тихо!

– Это хорошо! Слушай внимательно и записывай на корочку: утренним облетом самолетов-разведчиков засекали отряд примерно штыков в 70—100 на лошадях в районе Уршенской «зеленки».

Запрелов задумчиво произнес:

– Считаете, это банды Азизуллы выдвигаются к водопаду?

– Стопроцентной уверенности нет, но очень даже может быть, потому как других отрядов моджахедов в том районе разведкой не обнаружено.

Капитан спросил:

– И банды Нуруллы?

– Нуруллы?

Вопрос капитана явно поставил комбата в тупик.

– А с чего ты взял, что Нурулла может болтаться с остатками своей банды на юге от Паршенского ущелья, ведь его, помнится, вместе с Рахматулло разбили севернее Паршена?

Запрелов уточнил:

– Уничтожили Рахматулло, банду же Нуруллы рассеяли. Да, выбили у него духов порядком, но не добились. Где-то он должен скрываться. А где это сделать удобнее всего? Как раз на юге, где обширный лесной массив, а не на севере, среди открытых для авиации и дальнобойной артиллерии гор. Думаю, движение, замеченное разведчиками Плешина, может иметь отношение к Нурулле. Если это была его банда, то уходила она на восток. И сейчас должна быть в Панджшере. По крайней мере, наблюдение за «зеленкой» больше ничего подозрительного не выявило. Странно, что авиационная разведка, обнаружившая в районе банды Масуда при первом их пробном проходе, никак не среагировала на духов Нуруллы. Но... в принципе, Нуруллы может и на самом деле не быть в «зеленке». В общем, с ним темный лес. А информацию по отряду духов в Уршенской «зеленке» принял. Если выйдут к брошенному аулу, определимся точно, что к чему. Надеюсь, авиацию из района убрали? Не отправили искать еще и Исламуддина?

Подполковник проговорил:

– Самый умный, да? Другие так себе! Докладываю, Гроза-1, естественно, авиацию убрали. Этого достаточно?

– Вполне, Первый!

– Спасибо на этом! Короче! Где-то к обеду готовься принять первых гостей с запада. Их восточные коллеги тоже, думаю, не заставят себя долго ждать!

– Принял, Первый!

– Работай! О первом контакте не забудь проинформировать меня.

– Как можно? Обязательно проинформирую.

– Ну ладно, шутки в сторону! Предельное внимание и аккуратность. Караван должен встретиться с Азизуллой. Иначе операция теряет всякий смысл, а значит, будет засчитана в минус, со всеми вытекающими последствиями. Конец связи!

Появился связист. Ротный бросил ему трубку.

Сержант спросил:

– Что? Вызывал кто-то?

– Ага! Девки из кабака, где гулял Петрович со своим неvezучим летехой. Интересовались, когда дембель у сержанта Москалева. Особо одна напор проявляла. Та, что замужем.

– Все шутите, товарищ капитан?

– Да нет, сейчас не до шуток, – думая уже о другом, проговорил Запрелов. – А ну-ка соедини меня с Телюпиным!

Командир первого взвода ответил тут же:

– Гром-1 на связи!

– Слушай сюда, Гром-1. В Уршенской «зеленке» замечен отряд примерно до 100 штыков, конный отряд. Двигается по направлению к Паршенскому ущелью. Если это один из на-

ших гостей, то быть ему у Дохи где-то в полдень. Но тебе ожидать с 11.00. Задача – зафиксировать отряд, оценив его мощь. Пропустить в ущелье и занять позицию для отражения нападения с востока. Если это Азизулла и основным силам роты не удастся уничтожить духов у водопада, то будем выдавливать их из ущелья. Прямо на тебя. Твои оборонительные рубежи моджахеды пройти не должны. Усвоил задачу?

Старший лейтенант Телюпин ответил, что усвоил, задал несколько уточняющих вопросов и отключился. Запрелов передал информацию о приближающемся с запада отряде душманов всем командирам подразделений, предупредив Хоманова, чтобы тот связался с постами раннего обнаружения противника, выдвинутыми примерно на километр за водопад, и приказал бойцам усилить внимание вкупе с осторожностью. Ориентируясь по графику движения Азизуллы, появления передовых дозоров, а за ними и каравана Исламуддина следовало ожидать около 13.00. Командир роты второго взвода подтвердил получение приказа и доложил, что примет все необходимые меры. На этом связь прервалась.

Запрелов посмотрел на командира разведывательного отделения:

– Владик, у тебя на юге где посты стоят?

Плешин объяснил по карте.

Командир роты проговорил:

– Так, связи у нас с ними нет, а это плохо.

Разведчик спросил:

– Вы решили изменить им задачу?

– Сдвинуть бы их, Влад! Слишком велик интервал между ними!

– Предполагаете проход противника и с южного направления?

– Не знаю, но не нравится мне «зеленка».

– Но там же уже давно ничего замечено не было, иначе ребята с постов оповестили бы нас!

– Оповестили бы, если... если их не лишили такой возможности!

Плешин удивился:

– Кто?

– Я же сказал, не знаю!

Командир разведывательного отделения предложил:

– Послать к постам посыльного?

– А у тебя есть такая возможность?

– Естественно! Мне-то самому делать особо нечего, разве что слушать приколы Петровича. Чем я не посыльный?

– Да? Ну, давай. Только, Влад, аккуратно и по возможности быстро!

– Иначе не умеем! Пошел!

Лейтенант скрылся в кустах, и в том направлении, в котором он пошел, не шелохнулась ни единая ветка: Плешин незря считался хорошим разведчиком.

Вернулся он спустя час.

– Все в порядке, командир, переустановил посты. Теперь они друг от друга в 200 метрах, в визуальном контакте.

– Хорошо!

Ротный посмотрел на часы – 9.20.

Еще часа полтора спокойного, тягуче-медленного ожидания. Но события начали развиваться раньше запланированного Запреловым срока...

В 13.10 Запрелова вызвал Телюпин:

– Гроза-1, я – Гром-1! К кишлаку Доха со стороны Уршена вышел передовой разведывательный дозор духов. Пять человек, вооруженных автоматами.

– Они на лошадях?

– Нет! Спешены. Остановились на повороте, из оптики рассматривают сам кишлак и прилегающие к нему территории, включая склон северного Паршенского перевала.

– И долго рассматривают?

– Минут семь!

– Маскируются прилично?

– Нет! Практически не применяют средств маскировки, поэтому мы их и видим.

– Значит, скоро выйдут в ущелье, если, конечно, не засекут кого из твоих подчиненных.

Старший лейтенант заверил:

– Не засекут.

Немного подумав, ротный предупредил:

- Ты смотри, Дима, духи могут навести шмон в кишлаке.
- Я это предусмотрел. Пусть проводят.
- Ладно! Следующий доклад после того, как банда покинет кишлак.

Отложив трубку, капитан осмотрел находящихся рядом с ним подчиненных. Плешин спросил:

– Объявились козлы горные?

Запрелов кивнул, подтвердив:

– Объявились. Пока разведдозор! Скоро и весь отряд выйдет, если ничего не произойдет неординарного.

И моджахеды Азизуллы вышли в ущелье спустя двадцать минут после появления у кишлака их разведки. Те ничего подозрительного не заметили, поэтому главарь принял решение о вводе отряда в Паршен. Оставив лошадей возле речушки, душманы по команде своего командира окружили брошенный кишлак. Затем одиночными группами обследовали его. Доложив сабибу (начальнику) о том, что развалины «чисты», что совершенно не соответствовало действительности, они вышли на середину ущелья. Азизулла, и это хорошо видел с южного склона старший лейтенант Телюпин, подозвал к себе пуштуна с ранцем за спиной. Вскоре тот нагнулся над радиостанцией, выбросив вверх полуметровый штырь антенны. Моджахеды применяли советскую радиостанцию звена рота-батальон «Р-107», такую же, какая находилась в распоряжении командира роты спецназа. Сеанс связи длился менее минуты, после чего Азизулла отдал при-

каз своим повстанцам на привал с приемом пищи, который длился ровно полчаса.

В 14.12, построив отряд в походный порядок, главарь бандитов отдал приказ на продолжение движения. Дождавшись, пока моджахеды не скроются из зоны видимости, старший лейтенант Телюпин, как и было приказано, вызвал Запрелова, доложил о действиях бандитов у кишлака Доха.

Выслушав офицера, Запрелов уточнил:

– Значит, Азизулла выходил с кем-то на связь?

– Так точно! И не с кем-то, а наверняка с Исламуудином, сообщил о своем прибытии в ущелье.

Но Илья возразил:

– Не скажи, Дима! От кишлака пуштун мог связаться и с третьим лицом, контролирующим и фактически руководящим встречей каравана. Но... согласен, это вряд ли, скорее синхронизировал режим движения с Исламуудином. Так, с этим ясно. Теперь я хочу знать состав банды, а также порядок их движения на марше, ну и, естественно, вооружение душманов.

Командир первого взвода объяснил:

– Состав отряда Азизуллы, как и предполагалось ранее, при подготовке операции, около ста человек. Лично я насчитал 94 джигита, потом сбился. Вооружение обычное, наши автоматы «АКМ» и «АК», шесть ручных пулеметов «РПК», два автоматических гранатомета «АГС-17», штук десять карабинов, пара-тройка снайперских винтовок «СВД» с оп-

тикой. Походный порядок также стандартный для духов, впереди разведдозор – пять человек, он идет на удалении в шестьдесят-семьдесят метров, от передового охранения, имеющего в своем составе двадцать человек, далее, через сто – сто двадцать метров, следует основной отряд, ну и за ним где-то за пятьдесят метров группа тылового охранения из пятнадцати рыл. Оружие рассредоточено равномерно, пулеметы есть у духов как в авангарде, так и в арьергарде, а вот «АГСы» среди основных сил. С ходу взяли приличный темп.

– В тылу никого не оставили?

– Нет! У меня боец за поворотом на сосне висит. Докладывает, что те духи, которые были с Дохой, в кишлак полным составом и вошли.

Капитан проговорил:

– Хорошо! Это хорошо! Да если Азизулла и решил бы оставить в тылу резерв, то сосредоточил бы его в кишлаке. Добро, Гром-1. Задачу свою знаешь. Блокируй ущелье, согласно ранее полученному указанию. Блокируй так, чтобы ни одна сука не прорвалась из Паршена. Ни по дну, ни по хребтам, ни на лошади, ни пешком!

– Я все понял, Гроза! Выполняю!

– Выполняй, Дима! О выдвигении к кишлаку, надеюсь, небольших остатков банды, я тебя предупрежу! Все, отбой!

Ротный задумался. Моджахеды, по крайней мере Азизулла, продолжают действовать по самой простой и далеко не безопасной схеме. Это, конечно, хорошо для спецназа, но

не является ли тактика духов ловушкой? Хотя так ловушки не ставят. Следовательно, Масуд, непосредственный начальник и Азизуллы, и Исламуддина, действительно не видит во встрече никакой опасности. Или эту встречу готовил и контролирует не сам Панджшерский Лев, а кто-то из его заместителей? Не самый подготовленный и опытный в проведении подобных акций.

14.50. Сержант Москалев, все время находившийся возле радиостанции, окликнул командира роты:

- Товарищ капитан, на связи старший лейтенант Хоманов.
- Давай его сюда!

Приняв трубку, бросил в эфир:

- Слушаю тебя, Гром-2!
- Мои посты раннего обнаружения противника видят разведывательный дозор моджахедов. По три духа с каждой стороны от реки, образующей водопад, в километре от последнего.

- Отлично! Действия вражеских дозоров?
- Двигутся к водопаду!
- Идут осторожно?
- По докладам разведчиков, нет, открыто, даже небрежно.
- Что говорит о том, что они чувствуют себя в полной безопасности. Это хорошо! Будь на связи, как появятся основные силы отряда Исламуддина, кстати, пусть твои ребята постараются определить его место в колонне, доклад мне!
- Принял!

– Давай, Боря! Принимай и работай!

Запрелов, которого начинал охватывать азарт предстоящей схватки, потер руки, обращаясь к разведчику, санинструктору и связисту:

– Ну, ребята, кажется, начинается основной этап, и скоро внизу, за хребтом, если обстановка не изменится, разыграется кровавая забава. Что ж, за этим мы сюда и пришли! Приготовить оружие, Петрович, распаковывай свои мешки. Думаю, без медикаментов дело не обойдется, как и без твоего профессионализма. Лишь бы без «двухсотых». Раненые – куда ни шло, но не убитые. Не та ситуация, чтобы нести серьезные потери.

И, обернувшись к командиру разведотделения и связисту, приказал:

– На хребет, к наблюдателю, за мной, мужики!

Офицеры и сержант с радиостанцией преодолели подъем и вышли на позицию наблюдателя третьего взвода. От него Запрелов вызвал старшего лейтенанта Дебижу:

– Гром-3, я Гроза-1! Как слышишь?

В ответ спокойное:

– Слышу хорошо!

Ротный ввел взводного в курс дела. Доложив обстановку, сложившуюся на данный момент, в 15.05 местного времени, закончил:

– Я сейчас на позиции твоего наблюдателя. Предупреди своего заместителя о приближении духов и будь в готовности

по моей команде вступить в бой! В каком порядке, уточню непосредственно перед схваткой! Все! Жди приказа!

– Понял вас, Гроза! К бою готов!

Переговорив с замполитом роты Гвоздевым и получив доклад, что на подступах к южному перевалу также все спокойно, Илья устремил взор на запад. Оттуда вот-вот должен был появиться отряд Азизуллы. Его по всему маршруту следования сопровождали наблюдатели разведотделения, обосновавшиеся на хребтах. Передовой дозор моджахедов уже был зафиксирован с утеса.

Внезапно ротного вызвал Хоманов:

– Гроза-1, я – Гром-2, авангард Исламуддина, который находился под охраной в середине каравана, идущего по левой на запад тропе, в кустах, что раскинулись вокруг водоема, соединившись, остановился. Остановился и караван. Разведка духов осмотрела местность, но на открытое пространство не вышла. Люди Исламуддина явно чего-то ждут!

– Понял тебя. Продолжай наблюдение! Обо всех изменениях немедленный доклад.

Капитан, взяв бинокль, оценив положение солнца, чтобы случайно линзы оптики не бросили блики в восточном направлении, навел его на кустарник возле водопада. Тот, многократно приближенный, был как на ладони. Шесть моджахедов с автоматами в руках и нуристанками на головах. Несмотря на бороды, было заметно, что душманы сравнительно молоды, лет по 30–35.

И тут ротного толкнул в бок лейтенант Плешин:

– Командир! Опасность слева!

Запрелов развернулся и увидел, уже невооруженным глазом, как, минуя утес, на участок перед водопадом выходит конная группа численностью всадников в пятьдесят. Азизуллы перед встречей с Исламудином решил перестроить отряд? Зачем? Вернее, почему? Что за причина толкнула его на этот маневр?

Объяснилось все скоро. Конный отряд рассыпался по дну ущелья, но не хаотично, а разбившись на две равноценные группы. Моджахеды спешили.

Капитан увидел и станковые гранатометы. Духи спешно устанавливали их, направляя на каждый склон. Какой-то бородач, видимо помощник Азизуллы, махнул рукой, и моджахеды открыли ураганный огонь по кустарникам обоих склонов, разнося их в клочья. Огонь велся по отработанной схеме, из автоматов и пулеметов снизу вверх, из станковых гранатометов по вершинам хребтов. И разрывы гранат чуть не стали губительными для группы Запрелова, которая в последний момент успела скатиться с вершины на противоположный склон. Ротный понял маневр Азизуллы. Не имея никакой информации о возможной засаде русских, но учитывая теоретическую возможность ловушки, он решил подстраховаться, по всей вероятности, согласовав свое решение с Исламудином, который поэтому и остановил отряд, предоставив партнеру полную свободу действий во исполне-

ние своего страховочного решения. Находишься в кустах противник, а именно здесь и было самое удобное место для засады, опережающим огнем Азизуллу уничтожил бы его. Но главное даже не в этом. Главное в том, что он вычислил бы противника. Что привело бы к немедленному отходу каравана и отступлению Азизуллы. Тот, нанеся неожиданный удар по потенциальной засаде и серьезный урон врагу, сумел бы уйти из ущелья! Ясно! Теперь все ясно и встало на свои места. По крайней мере, сейчас капитану Запрелову стал понятен смысл в тактике душманов. А это уже половина дела. Вернее, половина успеха.

Огонь со дна ущелья как внезапно начался, так внезапно и прекратился. Обработав склоны, моджахеды успокоились. Ротный вновь поднялся на хребет и укрылся в одной из воронок, образованной разрывом непонятно как залетевшей сюда гранаты «АГС-17». Посмотрел осторожно вниз.

Моджахеды вновь, как у Дохи, отогнав лошадей к речушке, сосредоточились на середине дна. Вот сейчас, выводя на огневые рубежи отделения взвода старшего лейтенанта Дебижи, их можно было уничтожить одним прицельным залпом, но эта огневая группа являлась лишь частью общей цели, а второй этап, налет спецназа, следовало провести по всем силам двух отрядов духов, которые пока еще на открытое пространство не вышли. Но должны выйти.

И как бы в подтверждение мыслям капитана, раздался сигнал вызова на радиостанции Москалева.

Сержант, укрывшийся ниже хребта, вынужден был ползти с рацией, следя за тем, чтобы снизу не заметили антенну. Наконец он передал ротному трубку, кратко сказав:

– Гром-2!

Запрелов ответил:

– Слушаю тебя!

– Караван двинулся к водопаду. Идут по двум направлениям.

– Тыловое замыкание?

– Практически отсутствует! Есть группы по три человека, но они следуют почти вплотную с основными силами.

– Посты дальнего обнаружения других сил не отмечают?

– Нет!

– Ясно! Пусть отпустят караван на дистанцию, обеспечивающую скрытное преследование и выход к месту встречи непосредственно за ним, остановившись в кустарнике у водоёма. Там твой рубеж действия!

– Все понял, выполняю!

Плешин отметил, что передовой дозор Исламуддина покинул прежние позиции и движется к огневой группе Азизуллы. С востока все шло по плану. Но вот на западе обстановка изменилась. Казалось бы, Азизулла, проведя обстрел склонов, тем самым убедившись в отсутствии засады противника, должен был бы и сам с остатками банды выйти на открытое пространство. Но он продолжал оставаться за утесом, недосягаемый для главных сил спецназа. И при всем

желании невозможно было нанести более-менее серьезный ущерб Азизулле, боевая группа которого находилась в считанных метрах от «мертвой» для пулеметчиков зоны. Чего ждет Азизулла? Подхода Исламуддина? Возможно. А если этот хитрый и коварный дух придумал нечто иное? Что он мог в данной ситуации придумать? Начать отход при появлении каравана, уведя его из потенциально опасной зоны? Несмотря на проведенные страховочные мероприятия? А что? Это мысль. Дополнительная страховка никогда лишней не бывает. Да если еще духи начнут проводить караван от водопада частями, то это серьезно осложнит выполнение второго этапа операции – уничтожение основных сил бандитов. В этом случае придется кардинально менять план действий, отсекать Азизуллу с его полусотней от открытого пространства на рубеже утеса силами полувзвода Дебижи, связывать его теми же силами позиционным боем, а взводом Хоманова выдавливать караван под обстрел второго полувзвода старшего лейтенанта, применяя пулеметный огонь с утеса. Вряд ли Азизулла, поняв, что их сделка раскрыта и, несмотря на все предпринятые меры, караван попал-таки в засаду, станет помогать Исламуддину. Тем более находясь под огнем с перевала. Нет, скорее всего Азизулла начнет прорыв на запад. На позиции Телюпина, к гарантированному поражению. Если только коварный пуштун не бросит на полпути лошадей, приказав подчиненным перевалить через хребты и рассеяться, кому в горах, кому в «зеленке», как это однажды уже про-

делал Нурулла. И тогда подобный маневр ему удался. Азизулла не мог не знать о том, как вырвался из засады его соплеменник, и вполне может воспользоваться его опытом. И тут рота Запрелова уже ничего не сможет сделать. Хотя... хотя есть вариант, как не дать Азизулле уйти. Но посмотрим, как будут развиваться события дальше. Внизу между тем от водопада показался караван. Лошадей и ослов, нагруженных тюками, за тканью которых угадывались и оружие, и ящики с боеприпасами, вели вооруженные погонщики. Рядом с ними следовали бойцы охранения, больше смотрящие на склоны, чем под ноги, от чего некоторые душманы спотыкались о камни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.